

Рузинова Тамара Ивановна

Рузинова (до замужества – Краснова) Тамара Ивановна родилась 5 ноября 1923 г. в с. Сукмановка Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в крестьянской семье. 8 апреля 1942 г. из 10-го класса была мобилизована в Красную Армию и направлена в 5-й дивизион 254-го зенитно-артиллерийского полка 3-й дивизии ПВО в г. Воронеж. В мае 1943 г. была ранена. Находилась на лечение в эвакогоспитале в г. Мичуринск. Войну окончила под г. Киев в должности командира приборного отделения. Демобилизована в июне 1945 г. После войны обучалась в Ивановском медицинском институте. По окончании института была направлена на работу врачом на Курильские острова. Вскоре после замужества потеряла мужа во время землетрясения на Курилах и последовавших за ним цунами. Проживает в г. Подольск Московской области.

Воспоминания Т.И.Рузиновой представляют собой рукопись объемом 15 школьных тетрадей по 18 листов и одной – 96 листов, исписанных в каждой строчке. Воспоминания переданы в ГАСПИТО преподавателем Жердевского колледжа сахарной промышленности, кандидатом исторических наук Василием Анатольевичем Красновым, племянником Т.И.Рузиновой.

Из воспоминаний участницы Великой Отечественной войны, зенитчицы Т.И.Рузиновой «Так было»

2004 г.

Я, Краснова Тамара Ивановна (в замужестве – Рузинова), родилась 5 ноября 1923 года накануне шестой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Моя родина – село Сукмановка Жердевского района Тамбовской области, на границе с Воронежской областью, семь-восемь километров от города Жердевки.



Когда появилось это село, кто был его первым жителем, откуда пришли люди – неизвестно. Население русское. Село было вольное, а все деревни в округе были крепостными и назывались по именам или прозвищам их владельцев. Эти деревни расположены за три-четыре километра к югу, небольшие, а на восток идет дорога, там селения редкие. Кругом – бескрайние просторы полей. Когда колосится и поспеваает пшеница, ветер клонит колосья, и идет волна, как в море вода. У дорог – васильки, ромашки, изредка повилика и подорожник.

Сукмановка! Родина моя! Родина милая! Нет у тебя дворцов, нет небоскребов, парков, садов, широких проспектов, невелики твои хатки, нешироки окна, раскинулась ты на пригорке в степи среди бездорожья со старым кладбищем, заросшим сиренью, где покоятся предки.

Все они спят здесь, не хотят сказать, откуда и когда пришли сюда, но они были отважными, свободолюбивыми, трудолюбивыми. Сукмановка, ты лишилась своей красоты, оазиса святыни, стала безликой.

Видела я в жизни города с высотными зданиями, видела дворцы, парки, сады, аллеи, храмы, но они не живут в моей душе. К ним не тянет вернуться, а к тебе, моя убогая Сукмановка, влечет всегда, и ты ясно встаешь в моей памяти. Ты уже не та. Раньше была густо застроена рядами низких хат с малыми окнами, редкими палисадниками, обширными огородами, с улицами, поросшими травой, телятами на привязи, лужами после дождя, грязью на проезжей и пешеходной тропинке. Ты постарела вместе со мной...

Уже шестьдесят два года я не живу в Сукмановке, но всякий раз, когда

имела отпуск, я ехала домой, за редким исключением...

Война – это великое несчастье людям любой страны. Какое короткое слово – всего пять букв – но сколько оно вбирает в себя понятий и несет людям горя, скорби, страдания, голода и холода, невероятного труда, отчаяния, смерти, увечий...

День 22 июня 1941 года был на редкость ясен, безоблачен, тих. Природа была такой умиротворенной, все росло удивительно. Урожай повсеместно был обильным.

Мне снилось новое платье – простенькое, но свежее. В этот день мы, молодежь самого романтического возраста (17 лет), устраивали вечер танцев в клубе нашего колхоза «Красная Нива». На складчину по рублю нам надо было купить керосин в две лампы и уплатить гармонисту. Где-то часов в 12 дня прошел слух, что началась война. Радио нет, газеты приходят с опозданием, а в нашем тихом, спокойном месте как-то трудно было поверить, что война... Она от нас была более чем за две тысячи верст. Решили, что это сплетни. Вечер начался, мы танцевали уже часа три, не ведая, что война унесла не одну тысячу жизней. Наш вечер подходил к концу. Вокруг клуба было много мужчин и женщин. Они пришли посмотреть на танцующую молодежь, вспомнить свою молодость, да и других развлечений не было.

В 12 часов ночи из района приехал уполномоченный от райкома партии и райвоенкомата. Собрали и тех, кто был дома, и тут же в клубе был митинг. Объявили о начале и ходе войны, что по всей западной границе идут бои, наши части отходят, бомбили Киев. Тут же вручили повестки мобилизованным мужчинам. Поднялся невообразимый женский плач и стенания. Дали указание: отправить табун лошадей – 30 штук – всю конюшню. Этих лошадей кормили и поили, холили для Красной Армии.

В четыре часа утра мобилизованные отбыли в райвоенкомат, жены и матери пошли их провожать, и в деревне наступила звенящая

тишина...

Мужчин осталось очень мало. Взялись за косу председатель колхоза, счетовод, завхоз, конюх. Дети тоже были. Женщины вязали снопы, двенадцати-тринадцатилетние подростки подносили, складывали в копны и тут же свозили на ток, укладывали в скирды. Меня поставили за бригадира, Марусю Кузнецову в контору за счетовода. Она принимала телефонограммы из райцентра и давала сводки хода уборки урожая. Я составляла списки косцов, вязальщиц, копнителей, замеряла саженью длину и ширину убранного поля. К концу июля я уже стала входить в роль бригадира, хозяйки рабочей силы, расставлять людей. Все женщины и мужчины слушались. Брату Анатолию исполнилось только одиннадцать лет. Он возил воду на поле – телега с бочкой. Сам запрягал лошадь, наливал полную бочку колодезной воды, а сорок ведер воды достать из колодца и поднять на телегу, вылить в бочку – нелегко. Работали все. Отец [Иван Тимофеевич] был кладовщиком, принимал зерно, с учетом у него было благополучно.

В начале августа я заболела малярией. После первого приступа был перерыв два дня, после второго – перерыв один день. Три заражения, они наслоились одно на другое. Через неделю мама [Мария Антоновна] пришла на обед и нашла меня на полу в бреду. Я встала, чтобы попить воды, но вернуться в постель уже не могла, и меня мама отвезла в больницу в Русаново. Я лежала там две недели, делали уколы хинина, а акрихин принимала вовнутрь. При выписке за мной приехал отец. Его попросили по пути подвезти одного туберкулезного больного до Окрей, он уже не мог даже сидеть, за ним пришла жена. Вот мы и поехали – трое сидят, один лежит. Въехали в Окры. Вдруг из одной хаты выбежала женщина, подбежала к телеге, схватила попутчицу за волосы, и началась потасовка. Оказалось, что это первая жена нашего больного. Меня душил смех, который я всеми силами старалась сдерживать. Ведь они сражаются за труп. Папа их разнял быстро. Подъехали к его дому, папа помог довести его до постели, и мы отправились домой в нашу Долгачевку.

...Отца призвали в армию в последних числах августа. В доме было очень много дел. Пчелы стояли на улице, отец не позаботился сделать омшаник. Мама, Анатолий и Таисия таскали хворост из краснотала, а дедушка Антон выкопал котлован рядом с хатой, вбил колья и сплел круговой плетень, прямой плетень – на крышу; навалили соломы, сухой травы, потом земли. Омшаник стоял очень долго.

Все бросили школу, а мне не хотелось бросать ее, в этом я видела свой шанс получить образование. Я была старшая, часто сидела дома с младшей сестрой Тоней, она не признавала никого.

Еще летом, после начала войны, организовали группы ополчения. Я тоже записалась. Из молодежи, школьников организовали ночной патруль по деревне. Мы собирались группой – мальчишки и девчонки по одиннадцать-двенадцать человек – и часов до двух-трех ночи патрулировали. Задержали, точно не помню, двух или трех человек, отвели их в правление колхоза, а потом их конвоировали в сельский Совет. Задерживали людей в поле, где нет проезжих дорог.

В ноябре стало холодно, бродить было скучно и устроили хохму. Рядом с Шурой Еньковой жили две старые девы по тридцать два-тридцать пять (а может и все сорок лет) с матерью, которая постоянно лежала на печке, ничего не делала, трудно сказать, что это было – старческая немощь или болезнь. Девчата решили сделать розыгрыш. Оделись старухами, загримировались. Меня одели стариком; чтобы скрыть грудь, я надела старый тулуп. Ведущей была Шура Шаталова, у нее были хорошие артистические способности. Пять человек пошли сватать за одного мужчину из Беклемищевой деревни, у которого умерла жена, и он остался один с четырьмя детьми. Пошли часов в восемь вечера, когда стало темно; ламп не зажигали, берегли керосин и обходились коптилками. Мы постучали, нам открыли, пригласили в хату. Было темно, коптилка давала очень мало света. Зашли, покрестились на образа, нам предложили сесть. Расселись вокруг стола на лавках. Шура начала сватовство: «У нас купец, у вас товар...».

Всех разговоров не помню, в тулупе было жарко. Но самое главное –

нас приняли так, как мы хотели, нам поверили. Когда нам сказали, что им надо подумать, мы пообещали прийти еще раз. Распрощались, поклонились на образа и ушли. Остальная группа ждала нас на улице и осторожно подсматривала в окна. Смеху было!

...Положение на фронтах было тяжелое. На нашем направлении фронт подошел до Ельца, до нас оставалось примерно сто пятьдесят, или чуть более километров. Канонада была слышна и днем, и ночью. Дым пожарищ дошел до нас, и была довольно густая мгла. Школу готовили к эвакуации, я собиралась вместе со всеми, это было в октябре. Через нашу деревню отходили войска кавалерии. Лошади были вконец измотаны, но люди держались. У нас тоже жил один кавалерист. В деревне оставили несколько лошадей, чтобы дать им отдых. Взяли в колхозе еще трудоспособных лошадей, а этих загнанных (за месяц они не восстановили своих сил) оставили в колхозе. Так как был израсходован весь фураж, остались только мякина и солома, то делали резку, запаривали солому. Лошади голодали, тощали, несколько голов пали.

В школе в нашем классе (десятом) от сорока осталось девять человек. Но когда пошла мобилизация на трудовой фронт (рытье окопов), чтобы туда не попасть девочки вернулись в школу. Мальчиков некоторых призвали в армию. Но наш фронт устоял, потом немцев отбросили. Дым исчез, звуков боя не было слышно.

В июле к нам в колхоз направили беженцев. Их было несколько семей – старики, женщины и дети. Дети были разного возраста, от семи до тринадцати лет. Дети красивые, но старики седые, очень настороженные, в глазах страх и паника. Производили неприятное впечатление. От услуг колхозников, которые звали их в свои хаты, они отказались. Их поселили в клубе, им выдавали питание: хлеб, молоко, мясо, крупы. Мяса мы сами давно не пробовали, хлеб выдавали как общественное питание по килограмму. Мать и отец приносили домой и им кормили нас, и это было в то время, когда была страда. Работать они не могли – ни косить, ни вязать снопы,

даже подносить их к копнам и то отказались. С приближением фронта они уехали дальше на восток. Они у нас прожили больше месяца, а после них убирали клуб, как стойло коров, трое мужчин два дня. Они [беженцы] не ходили в поле или на улицу в туалет, а оправлялись в углу сеней клуба, солому не меняли, а наслаивали новую на старую. Их за это, конечно, костерили матом. Женщины мыли полы после них и плевались: вонь, как из нужника.

...5 апреля, 1942 год. Было воскресенье, первый день Пасхи. Я качала Тоню, мама топила печь, готовила нехитрый завтрак. К этому времени отца из армии отпустили на лечение. Он немного поправился, убирал скотину, дома маме было с ним легче. Открывается дверь, входит Володя Чевтаев, мальчик из Шарово-Ленской деревни. Мы учились в Жан-Уваровской школе, я в десятом, он в восьмом классе, и говорит: «Ты дома?» – «А где ж мне быть?» – «Не была, так будешь». И дает мне повестку: «Явиться в райвоенкомат пятого апреля сорок второго года к девяти часам утра». А время уже девять. Я стала собираться. Мама говорит и плачет: «Подожди, позавтракай, потом пойдешь». Я выпила кружку молока, съела кусок хлеба и ушла.

Идти в Терновку было очень тяжело, наступаешь на снег, и хоп – по колено в воде; где нет снега, там грязь. Сначала я шла полем, потом перебралась на линию железной дороги. Наконец путь пройден, нашла и военкомат. Там встретили члены райкома комсомола, спросили, желаю ли я идти в армию. Я дала согласие, тогда меня направили в соседнюю комнату, где я прошла медкомиссию – здорова. И сказали, что могу идти домой до особого распоряжения. К вечеру я была дома с промокшими ногами. Мама стала укорять, зачем я вступила в комсомол, а папа возмущался тем, что я учусь: «Вон, Верка Пронина, Манька Пузырева сидят дома, не учатся» – «Как же, я перешла в десятый, а они остались в пятом классе на второй год, а начинали вместе».

На второй день за мной зашли Лиза и Валя Труновы. Фамилия

одинаковая, но они совершенно разные, они не были родственницами, просто однофамильцы. Валя высокая, худенькая брюнетка, а Лиза полная, русая, на полголовы ниже Вали. Они тоже служили в армии, но их уже призвали в июле сорок второго по мобилизации, а не добровольно. Отец был дома и в школу меня не пустил, как будто это могло что-то изменить.

7 апреля отец ушел в Есипово послушать по радио последние известия. Девчата зашли за мной, и я ушла в школу. На третьем уроке мне вручили повестку: «Восьмого апреля явиться в райвоенкомат для отправки в часть». Я пришла домой часов в шесть вечера, объявила, что завтра отправляют. Отец взял большой нож, надел шапку, выругался матом, хлопнул дверью так, что вся изба задрожала. Пошел во двор, зарезал барана.

Идти в армию мне было не в чем. Пальто было распорото, чтобы его перешить по мне; оно было велико, и я в нем ходила уже третий год, а мама думала, что я еще подрасту. Я побежала к тете Марусе Полуниной, она обшивала всю деревню, день и ночь сидела за машинкой. Я просила сшить, то есть по старым швам сострочить пальто. За ночь мать испекла хлеба, изрезала, на горячий под высыпала, и к утру получились сухари.

Ботинки у меня были. В марте пошли эшелоны с эвакуированными из Ленинграда. Люди с продуктами – вареной картошкой в мундире, молоком, хлебом – ходили к поезду [на станцию Есипово] и меняли на барахло: обувать и одевать было нечего, купить негде. Пошла и мама: налила четверть молока, сварила ведро картошки и взяла хлеба. Когда увидела изможденных людей, заплакала и стала раздавать по три-четыре картошки, кому – кружку молока, кому – хлеба. Ее обступили, она ничего ни с кого не спрашивала, и ей положили ботинки и белую шелковую кофту. Она [кофта] была коротенькой, ее можно было носить под сарафан, но его не было. Еще у меня было два ситцевых платья: одно – красными ветками, второе – голубыми букетиками. Вот и все снаряжение, на голову – пуховый

платок.

Отец разрубил тушку барана пополам по позвоночнику. И эту половину сварили, насыпали пшена и [положили] сухари, получился полный мешок. Я говорю, что такое количество мяса я не смогу съесть, оно испортится, но отец сказал: «Ты там будешь не одна, поделишься». Ночь мы не спали, сидели на полу втроем: папа, мама и я. Мама плакала, заплакал и отец. Для меня это было удивительно, я никогда не видела его плачущим и говорю: «Папа, что мама плачет, это само собой разумеется (я думала, что она плачет потому, что ей некому будет помогать), а ты что плачешь?». Он ответил: «Ты знаешь куда идешь? Ведь там убивают, да хорошо еще, если сразу, а то оторвет руку или ногу, и будешь калека. А ты девочка, тебе нужно будет выходить замуж» – «Ну и что, что убивают. Сколько тысяч уже погибло, а я чем лучше? Да и не волнуйся, меня не убьют, только если ранят, и то легко».

Они меня благословили на жизнь. И пока отец сходил за лошадью, было уже половина девятого утра, я уже опоздала на тридцать минут, а все еще была дома. Наконец, поехали. Проехали мимо школы, мне ее стало жаль.

За время войны райвоенкомат перебрався в Терновский лесхоз. Начались часы ожидания. Из нашего класса были девочки: Шура Насонова, Тамара Сорокина, Зина Колоскова, Маруся Логинова, Шура (фамилию забыла), я, двое девчат из девятого класса – Клава Богачова, вторую не помню. В военкомат прибыли все, кроме Зины Колосковой. Начались всякие разговоры: отец на станции Есипово, блат, оставили дома, и все такое подобное.

Ждали отправки целый день, благо день был теплый, на улице было очень приятно. В двенадцать часов ночи дали команду ехать на вокзал. Там еще пришлось ждать поезда. Около часа ночи подошел эшелон, все двери закрыты, ступенек нет. В одном вагоне отец отодвинул дверь, оттуда стали кричать, что тут военные. Отец взял меня, поднял и в вагон почти кинул со словами: «Вот вам

пополнение. Не можете справиться сами, получайте подмогу!». За мной посадил Марусю Логинову, Шуру Насонову. Остальные были посажены в другие вагоны. С Терновского района тридцать человек. Зина Колоскова села в этот эшелон в Есипово.

В вагоне было сумрачно, под крышей горел фонарь, который тускло освещал пространство. Нары были в один ярус. Мужчины потеснились, дали нам место. Поезд тронулся. Мы достали свои мешки, развязали и начали угощать друг друга и хлопцев тоже. Поели и легли спать. Утром были в Грязях.

По эшелону раздалась команда. Нам приказано собраться на платформе у вокзала, собирались все быстро. Ввели в зал, разместились на полу, все скамейки были заняты, ждали часа два. Затем вывели на платформу, построили и повели на вокзал Грязи Воронежские. Снова ожидание. Затем снова эшелон до Воронежа. В Воронеже были где-то в час дня. Собрались у вокзала, построились в колонну по четыре человека. Рост мой невелик, я была в хвосте. Дали команду: «Вперед, шагом – марш!». Вся колонна наклонилась вправо, взметнулись на плечах мешки, и они заколыхались в движении вперед.

Привели нас во Дворец пионеров. Вот первый дворец, который я видела в жизни. Двухэтажный, красивый, но больше запомнился холл, других помещений я просто не видела. Он весь был забит до отказа людьми. Женщины и девушки со всей Воронежской области. Места в холле не было. Мы (я и Маруся Логинова) устроились на лестничной площадке между этажами. Перила чугунные, литые, с красивым узором и полированным верхом. Там мы сидели, лежали и спали двое суток. На третий день все выстроились перед Дворцом. Объявили: «Все остаются только добровольно. Если кто по каким-либо причинам не может, боится, или не позволяют домашние обстоятельства, могут вернуться домой. Никто не будет осужден, не будет никакого преследования».

Из трехсот шестидесяти человек уехала домой одна учительница по

причине, что у нее лежала парализованная мать, и больше не было никого. Они жили вдвоем, она очень плакала. Потом стали подходить грузовые машины с брезентовым верхом, и нас начали порайонно отправлять. Дошла очередь и до Терновского района. В такой машине нас довезли до учебного дивизиона, который располагался в десятой средней школе. Здание одноэтажное, буквой «П», классы большие, нары двухэтажные, свежая солома на них. Мы с Марусей Логиновой забрались на второй ярус, развязали мешки, поели, поспали, поговорили. Настроение было бодрым, никто не плакал.

Утром объявили подъем, а мы уже давно проснулись, поели, так как за ночь проголодались. Вторая команда – на физзарядку. Вышли, побегали, помахали ручками, потом ножками – нормально. Третья команда – приступить к туалету, сказали где. Вода в кране ледяная, ополоснули лицо – и ладно. Четвертая – на завтрак.

Столовая небольшая, сколочены доски и скамьи в два ряда. Один ряд длинный, второй короче, за ним уже сидели мужчины, заняли и мы места. У каждого своя ложка, поел – и в карман. Девушки разговаривают – много впечатлений. Старшина стоит и наблюдает: едят плохо, все уже сыты, хлеб из хлебниц передают на второй ряд мужчинам. Шум – сплошной гул, не разобрать слов. Старшина командует: «Встать!». Хором – стук. Все встали – тишина. Пауза. «Сесть, продолжать завтрак!». Сели, минута тишины и снова гул. Снова команда «Встать!». И так несколько раз. На обед с собой захватили куски мяса, ветчины. Все идет на второй стол. Так продолжалось три дня. Мой мешок полон, сухари все целы, пшено тем более, а шестнадцать килограмм отварного мяса, разве я могла съесть за такой короткий срок? И раздать толком не успела. Объявили, чтобы сдали продукты старшине. Я немного оставила мяса, остальное сдала. На следующий день в столовой было уже тише, стали есть то, что поставлено на стол. Навели порядок.

Нас разбили на отделения, взводы: одни – разведчики, другие – связисты, третьи – прибористы. Начались занятия: строевая

подготовка, матчасть, винтовка и ее устройство, технические данные. Всем следовало изучить силуэты самолетов. День загружен. Устав, наставления. Учились хорошо. Я попала вначале в разведку.

Через неделю пригласили парикмахеров. Всем приказали отрезать косы, но можно было оставить чубчик, сделать завивку. Полетели удивительные косы на пол! Девушки заплетали косы, их в таком виде отрезали, а потом делали стрижку.

Через десять дней – баня. На крытой машине, а набилась полная машина народа, нас в нее и повезли. Улиц не видно. Был уже вечер. Сдали всю одежду с себя, а чистое белье привязали все за кольца и в дезкамеру. Пошли в моечный зал, времени дали сорок минут. Вода горячая – тепло, хорошо. Помыла голову, намылилась, и вдруг стали раздаваться мощные, приглушенные, как будто издалека, шумы, похожие на взрывы. Поднялось волнение. Многим показалось, что это бомбежка, потому что никто еще не видал и не слышал, что это такое. Одни лезут в окна посмотреть на улицу, что делается, другие лезут под лавки в грязь, в слизь. Шум, крик. Третьи стучат в дверь. Открыть ее не могут. Я говорю Марусе: «Давай мыться, а то останемся в мыле». Служители бани услышали – открыли дверь. Оказалось, никакой бомбежки нет. Это ходили сотрудники, хлопали дверьми, и во влажном горячем паре хлопки отдавались резонансом взрыва. Наше время истекло, некоторые ополаскивались на скорую руку. Потом над собою смеялись.

После этого нас повели на действующую батарею, по отделению поставили возле каждого орудия и дали залп боевыми, чтобы мы знали, как стреляет пушка и какой от нее звук; он нас оглушил.

Началась эпидемия чесотки, заболела и я, нас набралось человек тридцать со всех взводов. Стали нас возить в кожвендиспансер. Мы сами себя намазывали мазью Вилькинсона, она черная, а толку никакого. После трех процедур (сначала душ, а потом смазывание) девчата начали возмущаться. Применили серно-ртутную мазь – быстро поправились.

Курс молодого бойца прошли за двадцать дней, но во время его прохождения однажды я получила письмо из дома. Отец пишет: «Дочка, мы никак не можем привыкнуть к тому, что ты далеко. Все ждем тебя из школы и часто оставляем ужин». Меня это так тронуло, что я заплакала, слезы текут, и я рыдаю. Подошел командир отделения, спрашивает: «Что случилось?» Я молчу. «Кто обидел?» – «Нет!» «Заболела?» – «Нет!».

Отвели меня к комиссару учебного дивизиона. Комиссар Серебряк и, правда, серебряный. Волосы седые и русые дают впечатление серебра. Лет пятидесяти, очень приятный человек, спокойный. Предложил мне стул, разрешил сесть. Я села и все плачу. «Что случилось?» – Молчу. «Тебя кто-нибудь обидел?» – «Нет». «Ты боишься быть в армии?» – «Нет». «Ты заболела?» – «Нет». «Что-нибудь случилось дома, ты получила письмо?» – «Да». «Там все здоровы?» – «Да». «Так что же?». Я сквозь рыдания говорю: «Меня ждут из школы и часто оставляют мне ужин». Он стал меня успокаивать, начал рассказывать о своей семье. Жена погибла в Киеве, у него три дочери: одна – на год старше меня, вторая – мне ровесница, третья – на год моложе. Все в армии. Старшая в танковых войсках, младшая в авиации, одна из них медсестра в пехоте, наверное, средняя. За спокойной и неторопливой беседой успокоилась и я.

Мы были первыми солдатами. В армии были женщины-врачи, медсестры, а солдаты – мы первые!

Иногда по вечерам в импровизированном клубе в этом же здании устраивали танцы. Девушки от восемнадцати до двадцати пяти лет – бывшие учителя, пионервожатые, студентки и школьницы, а также и гражданские лица – охотно приходили на них. Те, что постарше, до войны работали и привезли все свои наряды с собой. Молодые офицеры были оглушены такими красавицами – косы до пояса, туфельки на каблучках, платья шерстяные, креп-жоржетовые, цветные. Особенно разбегались глаза у одного грузина, молодого, лет двадцати двух-двадцати трех, красивого, как грех лейтенанта в новой

парадной форме. Он начал ухаживать за девушками, его за волокитство понизили в звании. На чувства был строгий запрет. Позже, уже где-то в сорок третьем году, появилась песня:

«Если чувство зажглось – сохрани,

Как военную тайну в бою.

Отвоюем счастливые дни,

Ты мне тайну откроешь свою.

А теперь я ведь тоже солдат,

Мы с тобою равны на войне.

У меня на груди автомат

И букет из гранат на ремне».

В этой песенке есть еще слова, но я запомнила только концовку. 30 апреля 1942 года мы приняли присягу, и уже 2 мая нас разослали по батареям.

Я попала во взводууправление пятого дивизиона. Матчасти не было, так как дивизион только начали комплектовать. Пятый дивизион двести пятьдесят четвертого зенитно-артиллеристского полка располагался в пустых зданиях на территории «Электросигнала». Сначала нас было человек тридцать, и мы все жили в одной комнате. Занимались строевой подготовкой, изучали винтовку, уставы и силуэты самолетов. Выйдем на строевую на шоссе, за ворота, земля сырая, раздается команда «Воздух». Бежим к обочине дороги, в канаву хлоп – на живот. «Отбой» – встали. За день все становились грязные, после ужина в туалете холодной водой под кранами идет стирка. Утром поднимались задолго до подъема, чтобы погладить, нас за это ругал старшина, запрещал проводить стирку. Но бесполезно, мы все равно стирали.

Командир отделения разведки взвода управления дивизиона был молодой парень второго года службы. Блондин, скромный, стеснительный. Он нас стеснялся страшно, но однажды на меня напал смех. Я всегда была дисциплинированной ученицей, а тут, что на меня нашло, не знаю, смех душит. Однажды, по дороге на обед, ко мне подошла Дуся Догонова, девочка пониже меня ростом, блондинка, волосы вьющиеся, кругленькая, уютная, красивая, отозвала от остальных в сторону. Она мне говорит: «Тамара, ты ведешь себя, как девочка двенадцати лет. Посмотри, в строю с нами мужчины, наши отцы, и с нас требуют все наравне с ними, а ты смеешься. Командиру отделения с тобою трудно».

К этому времени нас троих из взвода управления (Аня Каширина, Клава Богачова и я) перевели от всех других в новое место. Пятиэтажный корпус очень массивный, сырой, холодный. А было так: организовали слет делегатов-девушек от всех частей Воронежа в каком-то Дворце культуры, послали и меня. Там произносили речи об отваге, героизме и так далее, был и концерт эстрады. Привезли нас обратно, на посту часовой вызвал начальника караула. Он назвал меня по фамилии: «Краснова, пойдете со мной». «Куда?» – «Ваше отделение теперь в новом месте».

Довел меня до двери комнаты на пятом этаже: «Вот здесь ваше отделение», – и ушел. Я вошла в комнату, она узкая, метра два с половиной в ширину, но длинная. Посередине была арка, впереди большое окно. У окна от стены до стены отступ два метра, ребром – доска сантиметров двадцать высоты, за доской – гора тонкой стружки.

В этой стружке лежали двое: Аня Каширина и Клава Богачова, им было холодно. Клава плакала, я ее утешала, постелила на стружки ее жакет, а моим длинным пальто укрылись, прижались друг к другу, согрелись, потом заснули.

Отделенный только аркой, на односпальной металлической кровати под легким байковым одеялом спал наш командир взвода лейтенант

Качела. Парень молодой, лет двадцати двух, а может и меньше, стройный, типичный блондин: соломенные волосы, голубые глаза, румянец во всю щеку. Он очень стеснялся командовать нами. Подает команду «Становись» и закусит нижнюю губу. Потом я обратилась к нему по форме и попросила, чтобы нам дали какое-нибудь одеяло и брезент, чтобы застелить стружки. По его ходатайству нам дали одеяла.

А через день плакала я после разговора с Дусей. Пришли с поля на обед, и не знаю, чем объяснить, у меня полились слезы. Была команда идти обедать в столовую, я не пошла. Пришел за мной командир отделения: «Краснова, идите в столовую». – «Не пойду». «Почему?» – «Не хочу». Сажу и всхлипываю. «Встать, когда говорит командир!». Я встала. Повторил приказ, ответ тот же. Он ушел. Пришел старшина, такой полный, но только брюнет. Те же вопросы, те же ответы. Слезы льются. Он постоял, постоял, посмотрел и ушел.

После обеда все ушли на занятия, а мне принесли обед. Поставили и ушли. Я еще какое-то время плакала, потом перестала, посидела, захотела есть. Съела все, что мне принесли, еще посидела. И пошла на поле, где были занятия. Подошла, без спроса и разрешения присоединилась к своему отделению. Никто мне не сказал ни слова. Но с тех пор я почувствовала себя взрослой, и что бы ни случилось, я уже ни при каком горе не плакала. А вот сейчас пишу и плачу. Вся картина перед глазами встала так ярко в памяти, как будто это было вчера, а не шестьдесят два года назад.

В июне пришли другие девочки, нас уже стало много, и как мы оказались в Отрожках не помню. В школе большие классы, кругом разбросано много бумаги, тряпки, сор. Школа двухэтажная. Мы поселились в комнате первого этажа. Повторяли уже все знакомое: уставы, винтовка, граната-лимонка. Учились бросать деревянную модель – гранату – на дальность по цели, получалось неважно.

Однажды наблюдали воздушный бой: два «мессершмитта» и один наш истребитель И-16, силы неравны. Бой шел не только по

горизонтали, но и по вертикали, летчик наш был виртуоз. Он даже повернулся на крыло, сверху стрелял вниз, но его подбили. Он выпрыгнул, парашют раскрылся, и он завис. Два «мессершмитта» один за другим каруселью вились, сделали по три захода. Все-таки попали в купол, он вспыхнул и километра три падал, разбился. Если бы летчики в те времена умели прыгать с затяжкой – открывать парашют сами, а не автоматически, и раскрыл бы его на высоте пятьсот метров, он бы остался цел. Мы стояли в тени здания, небо было чистое, ясное, и сердце сжималось от боли.

Как-то дали команду «Строиться с вещами», разбили на три группы по девять человек и отправили на действующие батареи изучать работу на приборе ПУАЗ 0-3. За десять дней я научилась работать на любом номере. Он не сложный, только нужно добиться плавного, равномерного движения маховиков и хорошо вести стрелку по шкале.

До второго июля сорок второго года бомбежек не было. Оборона на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов была прорвана на глубину до восьмидесяти километров. Был организован Воронежский фронт (главнокомандующий Н.Ф.Ватугин).

Второго июля сорок второго года в десять часов утра начался массированный налет на Воронеж. Подходили танки и мотопехота. Срочно стали выводить безоружные войска. Нам скомандовали построиться с вещами, и двинулись на юго-восток на Анну, это около восьмидесяти километров. Жара сорок пять градусов, на небе ни облачка, песок под ногами раскаленный. Из города потянулись беженцы с детьми, колясками. Над головой самолеты, но нас не бомбили. У них была другая цель – Воронеж.

Шесть часов шли не останавливаясь, обливаясь потом. В каком-то селе остановились у колодца, напились воды и снова в путь. Шли до двух часов ночи – четырнадцать часов. Когда уже в Анне дали команду «Привал», за исключением нескольких человек, все упали: кто – где стоял, кто – сойдя с дороги на обочину. Рядом был колодец. Бойцы черпали воротом воду, разливали по котелкам. Я с другими

девочками (нас осталось в строю только трое) обходили лежащих, поили водой, многих приходилось будить. Подъехал старшина на машине, стал раздавать сухари по пять штук на человека. Кто спал, им мы клали сухари в карманы. Через три часа подъем. И снова в путь. Пока воздух не накалился, по утренней прохладе мы оторвались от линии фронта.

Когда вышли из Отрожек и пересекали шоссе, я оглянулась на Воронеж. За рекой на утесе, где сейчас стоит стела с орденом Отечественной войны, с правой стороны – улица, дома горели с обеих сторон, клубы дыма вырывались из окон. По улице скакал всадник, позади него разорвался снаряд, и через голову полетели и всадник, и лошадь. Остались ли они целы или были убиты, – не знаю. Но картина эта врезалась в память навечно. В дни подготовки тридцатилетия Победы по телевизору шли передачи и показали эту улицу и всадника, его полет. Мне стало плохо, поднялось артериальное давление, вызвали скорую помощь...

Дальше шли уже спокойно, делали по тридцать-сорок километров в день. Вставали в три часа утра, до часа дня шли, останавливались около школ под тенью деревьев. Часов в пять-шесть утра, когда проходили мимо сел и деревень, женщины выносили в подойниках молоко и разливали по котелкам. На привалах приносили кринки холодного молока из погребов. И вспоминаются стихи Константина Симонова, посвященные Алексею Суркову:

«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,

Как шли бесконечные, злые дожди,

Как кринки несли нам усталые женщины,

Прижав, как детей, от дождя их к груди».

Я очень люблю это стихотворение. Я знаю его наизусть.

От Анны до Новохоперска шли неделю. С трех часов утра до двух-трех

часов дня. За нами по дороге шли люди, а по полям вдоль дорог – стада коров, овец. Угоняли скот от линии фронта. Нам давали много мяса, дали корову. В походе нас (три отделения прибористов) передали в двести двадцать четвертый отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. Этот дивизион состоял из грузин, армян, азербайджанцев, татар – как Лига Наций. Их было немного, осталась одна четверть дивизиона. Они сражались на Керченском полуострове. Потеряли всю матчасть. Надеялись вскоре получить новые пушки, приборы и все такое, то есть полное формирование.

Один боец, Мамед Мамедович Мамедов, мужчина сорока лет, азербайджанец, ухаживал за коровой и доил ее. Он одинокий, уплатить калым за невесту он не мог, денег не было, скота тоже, оставалось только умыкнуть. Невеста была согласна, они убежали, но у нее было три брата, и им нужен был калым. Они нашли беглецов, сестру препроводили домой, а его отдали под суд. За это ему дали десять лет. Он отсидел восемь лет, началась война. Он стал проситься на фронт, так как его вина была невелика, его отправили в действующую армию.

В Новохоперске (вернее, на берегу реки Хопра) в лесу заболоченном нас спрятали. Из веток соорудили шалаш, за шалашом корова с Мамедом. Девчата, просыпаясь утром, из шалаша кричали: «Мамай, молока!» И он был счастлив...

Комаров была тьма. Старшина, помогавший нам строить большой шалаш, закончив работу, сказал: «Ну, девчата, от бомб спасены, от пуль спасены, от дождя и комаров – нет!».

Мяса было много, но есть не могли – не было соли. Вода пахнет тиной, пить сырую воду нельзя. Три раза в день давали по бокалу кипяченой воды. Мы получал хлеб на день на двадцать семь человек и откладывали одну буханку. Ходили в близлежащий поселок и с трудом за буханку хлеба выменивали один стакан соли. Прожили, наверное, с неделю, и нас перевели в Борисоглебск. Тридцать километров прошли за шесть часов. В Борисоглебске нас поселили на

территории пионерского лагеря над Хопром. Мы с Клавой Богачовой позвонили в Есипово не то на почту, не то на вокзал с тем, чтобы передали родным.

Я стояла часовым у ворот. И явилась ко мне мама, но я – часовой и положила винтовку между нами. Она заплакала, а я вызвала начальника караула, меня сменили. Дали увольнительную, и вчетвером (я с мамой и Клавдия с сестрой) ушли в город. Там у Клавы были родственники. К восемнадцати ноль-ноль я вернулась в часть, а маму оставила ночевать с Клавиной сестрой у родственников. Но к восьми часам вечера мама пришла снова. Я прошла всю вереницу от командира взвода до командира дивизиона, попросила разрешения маме быть на территории части – разрешили. У нас было кино, какое не помню, посмотрели и ушли под куст ночевать. Было тепло, хорошо. Только мы заснули, нам дали тревогу, но только девочкам: потихоньку строиться с вещами.

Нас обмундировали еще в Отрожках, поэтому все вещи я отдала маме: пальто, платье, ботинки. Подошла грузовая машина, мы все сели в кузов и мама со мной, и нас повезли, куда не знаем. У водителя узнали – на вокзал. Ждали долго. Только около четырех часов дня объявили посадку на товарняк. Была одна свободная платформа, направление на Москву, вообще это – направление, а пункт назначения неизвестен. Часов в семь вечера были в Есипово. Состав остановился. Во время следования над нами на большой высоте пролетел «юнкерс». Мама переполошилась – оказывается, когда мы ехали, папа шел из Терновки. Накануне ему была повестка, из дома они вышли вместе, оставив детвору во главе с Таисией.

Поезд остановился в Есипово, во время остановки мама сходила к знакомым Черешневым, заняла у них две поллитровые бутылки меда для меня и дала денег. Вот это расставание меня очень расстроило: поезд тронулся, а мама упала на колени, на вещи, на мешок, который я ей оставила.

Вечером мы были на станции Грязи, в вокзале ночевали, а утром по

отделениям и по разным направлениям нас развели. Наше отделение привели на восьмую батарею двести пятьдесят четвертого зенитно-артиллерийского полка, то есть нас снова вернули в свою часть. На счету восьмой батареи – семь самолетов, одиннадцать танков да батальон мотопехоты (врага).

Батарея имела только два орудия, остальные потеряли в боях. Один расчет и трактор с орудием – от прямого попадания то ли бомбы, то ли мины семь человек расчета и тракторист погибли. Тракторист был потому, что надо было переменить позицию. Стояла она [батарея] по Задонскому шоссе, они били по танкам прямой наводкой.

В момент наступления немцев на Воронеж для обороны имелось мало сил. Три наших полка (двести пятьдесят четвертый, триста семнадцатый и сто восемьдесят седьмой) – это третья дивизия ПВО, полк зенитных пулеметов и войска НКВД. Но все же немцам с ходу взять город не удалось. Через три дня нас отвели, заменив обстрелянными регулярными войсками. В этом районе кладбище погибших в боях, и к тридцатилетию Победы сооружен мемориал. Боец падает с автоматом в руке, а рядом барельеф женщины с ребенком на руках. Наша группа сфотографирована на их фоне, но справа женщину не видно. Из доклада комиссара военкомата города Воронежа мы узнали, что по призыву комсомола в день 8 апреля 1942 года по стране влилось в ряды армии около миллиона женщин.



Мы полноценно заменили мужчин там, где было можно: прибористы, разведчики, связисты, дальномерщики, посты ВНОС, аэростатики,

прожектористы, зенитные пулеметчицы. Пробовали ставить девушек у орудийных расчетов, это третий номер, совмещение от прибора. Время полета снаряда он совмещает и постоянно считывает, другой боец берет снаряд из ящика, третий устанавливает трубку на снаряде и передает заряжающему. Наши снаряды к восьмидесятипятимиллиметровой пушке весили по шестнадцать килограммов. На эту работу нужна мужская сила, а девушкам в орудийных расчетах находиться постоянно нельзя. Отлучаться тоже нельзя, триста метров пробежать (до землянки) – много затрачивается времени и сил. К тому же надо переодеться, провести туалет. Это не пошло, зато за два месяца нашего пребывания командование поняло, что мы – организованная боееспособная сила.

Появление девушек на батареях ребята встретили в штыки. Все же мы были армией второго эшелона, на подступах к городам и объектам. Дальность полета наших снарядов – девять тысяч метров. Убойно-разрушительная сила с дальностью не терялась. Не от силы удара зависел взрыв, а от того, какая на трубе установлена траектория – навесная, параболой, поэтому били и по закрытым целям, за домом, бугром – все равно. Но наши пушки ушли теперь в историю, пришли ракеты.

В восемьдесят восьмом году у нас была встреча в третьей дивизии ПВО в городе Мукачево. Нам показали ракеты. Они нам не понравились, их очень трудно приводить к бою и много на это уходит времени, свои пожелания мы оставили.

Да, еще забыла сказать, девушки работали в штабах художницами, которые четко наносили на карты все, что было нужно. Ведение документации, телефонисты, радисты, работали на складах, в банно-прачечных отрядах, могильщиками.

На батарее имелось приборное отделение, не хватало только двух человек. Несколько дней мы были не у дел. За это время я заболела. Малярия второго года. Приступы участились, и стало по три приступа в сутки. Я уже не могла ходить, и в туалет меня таскала практически

на себе Мария Николаенко. Я попросила санинструктора Шуру Маркину отправить меня в госпиталь.

Это был эвакогоспиталь, раненые прибывали из города Воронежа. Их было очень много, госпиталь располагался в школе. Были сделаны из досок небольшие барьеры (на полу), чтобы тонкая древесная стружка не разлеталась; ни одеял, ни подушек. Вплотную лежали раненые, операционная и перевязочная работали круглые сутки, но не успевали все сделать. За больными ухаживать было некому. Когда у меня кончились приступы, я немного окрепла, то оказалась с другими девочками, а в общей палате было пятьдесят шесть человек. Мы разносили хлеб, суп в котелках, ходили с котелками к ключу за водой и поили раненых, среди них были очень тяжелые.

Запомнился один мужчина лет тридцати пяти, ранение в левую плечевую кость. Рука на шине отведена, как поднятое крыло птицы, температура – сорок. Теперь я знаю, что это была гангрена. Он так страдал, метался. Но я скоро покинула этот госпиталь. Пришла Шура Маркина, сказала, что из нас оставят только двух. Марию Николаенко, она хорошо ловила цель. И она из всех нас рекомендовала меня, когда ее спросили, кого оставить. Рядом с ней мне не хотелось быть, но пока мы пришли на батарею, девчат уже не было, а идти за направлением в военную комендатуру я не захотела. Так и осталась на восьмой. В отделении было четыре девочки: Тоня Омелаева, Аня Величко, Нюся Дурнева и Таня Капустина. Из парней Саша Зайцев, Владимир Булах, Володя Вовк. Командир отделения Василий Масько. Ребята отслужили действительную (три года), должны были демобилизоваться, но началась война.

Меня и Николаенко приняли спокойно, но потом стали агрессивными. Они в каждой девушке видели свою смерть. Все же в наших условиях шанс выжить был намного выше. Стояла батарея километра за три от центра города, на пшеничном поле. Пшеница была великолепная, но убирать ее было некому. Кормили нас по третьей категории: пятьсот грамм хлеба, а по первой – восемьсот,

приварок жидкий. Саша Зайцев написал стихи. Как-то сидели на приборе, и он их прочитал мне. Запомнились только такие слова:

«Принесет тебе товарищ,

Глядь, а там одна вода,

Две картошки, кусок перца –

Вот, боец, твоя еда».

Стихотворение было длинным, я помнила и много других куплетов, но время стерло их. У меня были деньги, мне их оставила мама. Зайцев и Булах, а иногда Булах и Вовк, стали ходить к скирдам (пшеницу все же начали убирать), намолотят по мешку и не провеянную несут в деревню. Она была близко, там договорились с женщиной, она веяла, молола, пекла хлеба и давала свежее испеченный, душистый каравай. Ребята еще ходили на картофельное поле, накопают ведро картофеля, сядем всем отделением в кружок, почистим; печка буржуйка есть, сварим. Меня Масько отпускал, я ходила в деревню, покупала помидоры, огурцы, овощи уже сходили. И у нас бывал пир. Девочки не так голодали, а ребятам было очень голодно. Нашли этому определение: «Кормят нас по третьей, а немец сыплет нам по первой категории».

Однажды я стояла на посту с двенадцати до двух часов, ребята с похода вернулись где-то в половине второго. Саша Зайцев должен был меня менять в два. Он и говорит: «Иди спать, а то я только засну, и вставать будет очень трудно». Я и пошла в свою землянку. Ночь была темная-темная, сильный ветер шелестел сухой травой. И вот в эту погоду комиссар дивизиона стал проверять качество несения караульной службы. На нашем секторе наблюдения прошел незамеченным. Александру за это вlepили десять суток гауптвахты, отправлять в полк на «губу» его было нельзя. При налетах, а они были частыми, на приборе работать некому. Сняли звездочку с пилотки и ремень, дали лопату. Он отрыл себе окоп, принес (под

конвоем, конечно) вязанку пшеничной соломы, и завалился, как медведь в берлогу. У нас стало два поста, сменяться стали чаще. Стало холодно, ветер пронизывающий, ночью охранял Сашу (а он и так никуда не убежит) Володя Булах и говорит: «Сашка, ты паразит, спишь в тепле, преступник драный, а за что я мерзну?».

Уже сентябрь или начало октября, а еще раньше [28 июля] вышел приказ товарища Сталина № 227 «Ни шагу назад!». Приказ грозный, но выполнять его надо. Беседы, изучение приказа по параграфам. Выучили, так как все были способные и сообразительные.

Как-то после отбоя двинулись в поход. Куда едем – не знаем, комбата, Прокопова Михаила, сменили. Вместо него – старший лейтенант Метрик. Приехали в город Липецк, задача – охрана чугунолитейного завода. Завод расположен на более высоком месте, там речушка под горой, перед ней в низине деревня, на небольшом расстоянии начинается город. У нас только два орудия, а командир огневого взвода молодой парень, чуть-чуть постарше меня, только что окончил школу артиллеристов. Кареглазый, стройный, очень скромный парень, но свое дело знал.

Позицию определили сверху, за хатами на огородах, которые были уже убраны. Шел мелкий злой дождик, копать окоп для прибора и орудий было нельзя – чернозем, разбавленный водой, превратился в жижу. Мы все мокрые до белья, о ногах уже и говорить нечего, по колено в грязи. С шинелей капает вода, она [шинель] уже больше не вбирала влаги. Комбат организовал охрану орудий и прибора-дальномера, палатку для связиста с телефоном, остальным всем разрешил устроиться по хатам. Наше отделение и командир взвода приютились в одной из них. Женщина принесла нам вязанку сухой соломы, настелила на пол. Затопила печку буржуйку, чтобы кое-что из одежды просушить. Вповалку улеглись на соломе, и хотя гимнастерки и юбки мокрые, но все же согрелись и уснули. Утром туман висит стеной, но дали тревогу. Я бежала по огороду, едва вытаскивая ноги из земли, в одних шерстяных носках, девочки тоже

держали ботинки в руках. Стрелять не пришлось, кроме шума самолета ничего не видно, да и самолета тоже, невозможно что-либо разглядеть. Дали отбой тревоги, вернулись. Хозяйка согрела нам теплой воды, помыли ноги, переобулись. Дождь прошел, за два дня окопались, и жизнь потекла своим чередом.

Свою баню выкопать и оборудовать не успели. Старшина договорился с городской баней, построил всю батарею и пошагали. Девушки впереди, ребята за нами. Идем. По тротуару параллельно нам идут женщины и, глядя на нас, стали обзывать нас непечатными словами, что мы все спим с мужчинами, и вообще такие-сякие.

После бани, с прожаренным имуществом (жарили и шинели, а не только белье) мы вернулись на батарею. Девчата в слезы: что дает нам серая шинель? Мы не выйдем замуж, армия нас опозорила. Пришел к нам в землянку комбат Метрик. Увидел слезы, стал допытываться, что случилось. Скрывать случившееся никто и не собирался, выложили все, как было. Он сказал: «Что вы плачете? Такие – это они, а не вы, и замуж вы все выйдете. Мы ходим к ним, а не к вам. А кончится война, мы будем жениться на вас, а не на них. Мы вместе идем одним путем, знаем вас и ценим». Слезы высохли. Метрик, старшина и орудийный мастер Забудский ходили в самоволку...

Тревоги и бомбежки были редкими. Стоя на посту, смотрели и передавали смене, кто в какую сторону ушел, чтобы не пропустить своих, а о диверсантах как-то и не думалось. В это время постепенно, одного за другим, ребят нашего отделения отправляли на передовую. К нам пришли Надя Пикалова, Шура Фокина, Аня Пискарева. Отправили старшего дальномерщика Феденко. Он был финансист-экономист, работал в министерстве. Старшим дальномерщиком стала Наташа Рахманинова, вторым номером – Ася Батракова, третьим – Зина Арчакова. По одному-два человека из орудийных расчетов.

В декабре привел старшина Белозеров пополнение из ребят, их ждали. Наше отделение благоустраивало землянку, побелили доски обшивки, постелили чистую солому, помыли полы. Вот они идут из

города мимо приборного отделения. Фролов был парнем самым большим, высокий, плечистый. Я стояла на посту у прибора и слышала их разговор. Это потом я узнала, что говоривший – Фролов: «О, ребята, деревня близко. Можно будет к девкам ходить».

Поместили их в приготовленную землянку на карантин. Куда там к девкам – через неделю плакали они по дому, вспоминали маму. Комбат строил батарею и приводил нас в пример им. Говорил о том, что мы были на передовой, было много боев, и здесь девушки не плакали. Во время боя не прятались, а они – мужчины. Нас, как комсомолок, Мария Трунова, секретарь комсомольской ячейки батареи, распределила по орудиям агитаторами. В свободное время ходили в расчеты, вели беседы о мужестве, о доблести, о славе. Приводили примеры о героях-летчиках, танкистах, пехотинцах, кто сколько подбил танков и так далее.

Лейтенант Бесперстов занимался с нами материальной частью, давал учебные тревоги, засекал время готовности. Бывали у нас и полковые проверки боевой и политической, строевой подготовки. Однажды нам сообщили с КП полка, что завтра у нас будет проверка. В этот день дежурили по землянке я и Шура Фокина. Сменили простыни, которыми занавешивали нары, помыли пол. У нас было много журналов «Нива», Шура предложила переднюю стенку землянки обклеить картинками. В этих журналах были репродукции картин на разворотах. Взяли мыло и дело пошло. Гляжу, она на самую середину приклеила картину Рафаэля «Мадонна», Божью Мать с Иисусом Христом на руках. Внизу была короткая подпись мелкими буквами «Божья Матерь». Я ей говорю: «Шура, это икона». Она подошла, плюнула на палец, потерла и говорит: «Вот, будет женщина с ребенком».

Утром после завтрака прибыла комиссия. Сначала она смотрела все у орудийщиков, во взводууправлении, дошла очередь и до нас. Вошли человека четыре с комбатом. Мы встали – приветствие. Никто не проронил ни одного слова, все повернулись и ушли. Мы – в опале.

Вернулся комбат, молча содрал со стены все наши картинки и ушел. Даже объяснить ничего не можем, комбат к нам не заходил дней пять. Немножко оттаял, пришел. Я начала разговор первой: «Товарищ старший лейтенант, Вы нас извините, дело было вот как». Рассказала ему все последовательно, и когда сказала, что это была женщина с ребенком, он хохотал до упаду. На второй день об этом знал весь полк.

Наступил тысяча девятьсот сорок третий год.

Нам вручили погоны, в их честь выдали по сто грамм рома, нас десять человек – целый литр. Половину отлили ребятам: Масько, старшина, Забудский (сейчас уже забыла кто-то еще). Кружек у нас нет, стаканов тоже, как пить, как делить. Но у нас есть у каждой ложка. Я предложила наливать в столовые ложки, будем пить как микстуру. Досталось по три ложки. Все опьянели. Никто не танцевал, лишь Нюся Дурнева – она пошла в пляс. Наш Масько с полутора доз опьянел, упал на батарею. Тоня Омелаева и Таня Капустина пошли за ним, под руки втащили в землянку, уложили на нары, он уснул. Старшина Белозеров спал с ним рядом и головой уткнулся ему в грудь. Масько это почувствовал и давай гладить его по голове, приговаривая: «Кошечка черненькая...». Вот мы и узнали от старшины, что Масько нравится Тоня. Тоня – среднего роста, кареглазая, темноволосая, большеротая, но симпатичная, стройная.

Однажды я дневалила. И как всегда во время своего дежурства надо постирать свое белье, переодеться. Только я сняла чулки и белье, раздалась тревога. Валенки на босую ногу, шинель на ходу на плечи – и вперед! Тревогу сделал старшина. Сначала – за прибор. Затем начал строевую подготовку, потом передвигались по-пластунски. Ночью выпал глубокий снег, морозец небольшой, солнце яркое, снег блестит, день – чудо. Повалились все в снег, ползем. Снег попадает в валенки, на других ватные брюки, зазор минимум, а мне лезет на полную катушку. Тает в валенках, мерзнут ноги, ягодицы. Занимались долго. Девчата стали роптать, тогда нас старшина отпустил. А сказать нельзя, надо всегда быть в боевой форме. Другой случай такой.

Была лунная ясная ночь. Снег блестел, как алмазная россыпь. Я стояла на посту у прибора, уже третий час ночи, мое время – с двух до четырех. Смотрю – идет старшина. Кричу: «Стой! Кто идет?» – Молчание. «Стой! Кто идет?» – Молчание. «Стой! Кто идет? Стрелять буду!» – Молчание. Даю выстрел без прицела вверх. «Ты что, не видишь, что ли?» – говорит он. «Стой! Кто идет?». Винтовка направлена на него. Остановился, расстояние – два-три метра. Ответил пароль. «Что ты делаешь?» – возмущается он. «Несу караульную службу. Я не знаю, какие у Вас намерения». Наутро построил батарею и объявил мне благодарность за отличное несение караульной службы.

Вскоре обнаружилось, что наш повар Надя Пухова беременна. Некоторые думали, что виноват старшина, так как она жила и спала в каптерке. Но зачем это старшине – он ходил в самоволку. Хотя Надя была симпатичная девочка: маленькая, пухленькая, уютная, кареглазая, темные волосы с завитушками. Ее перевели в другую батарею, ближе к Воронежу. Город Воронеж был почти сдан, но немец реку Воронеж не перешел. Постоянно велась перестрелка. Там, где была Надя, произошло прямое попадание в землянку, ее ранило, завалило в землянке. Были и убитые. Ей отняли ногу. В госпитале родила девочку. Ходила на протезе.

В восемьдесят пятом году в Киеве мы встретились. Она стала такой толстой, готовила она хорошо, поесть любила. Жила с дочерью. Дочь замужем, было двое внуков. Я ей писала, она не ответила, связь оборвалась.

В конце марта сорок третьего года нам дали команду «Отбой – поход». Ночью выпал глубокий снег. В расчетах много молодых, еще неопытных бойцов, поэтому случилось несчастье. Трактор зацепило за пушку или, вернее сказать, пушку за трактор – не полностью вдели чеку в проушину. И когда трактор пошел, почти вытянул пушку из окопа, чека вылетела, и пушка покатила по аппарели назад. И задним колесом проехала по ступням командира взвода Бесперстова.

Не раздавило ступни только благодаря глубокому снегу, но сдавливание было. Шура Маркина – санинструктор-фельдшер, Женя Омелаева, Таня Капустина попросили санки у хозяек в деревне, посадили на санки лейтенанта и повезли в госпиталь. Из госпиталя, как правило, выписывают в комендатуру, а там – куда пошлют. Ни лейтенанту, ни нам это не нравилось. Шура проконсультировалась насчет лечения, и лейтенанта привезли на батарею.

Пока они ездили, мы грузили приборное отделение и снаряды на машину. Четыре снаряда в ящике по шестнадцать килограмм и плюс тара восемь килограммов, итого семьдесят два килограмма. Брали двое ящик и кидали вверх на машину. Днем выглянуло солнце, потекли лужи, мы в валенках по ним ходили, все промокли.

Погрузились сами в вагоны-теплушки, а пушки на платформы. Не поехали своим ходом, очевидно, из-за отсутствия тракторов, трактор мог брать только одну пушку, а их было две. Еще две потеряли в Воронеже. На вокзале стояли долго, всю ночь. Ночью ударил мороз, мы мерзли, валенки замерзли, портянки примерзли к валенкам. Лейтенант был с нами.

Расстояние от Липецка до города Грязи в тридцать пять километров проехали быстро. В Грязях мы заняли уже готовую позицию, лейтенанту отгородили угол. Топили снег, нагревали воду и делали ему горячие ножные ванны. Он был такой стеснительный, что в землянке не хотел оправляться и с большим трудом с помощью девчат ходил в туалет. Мы уже стали более смелыми, в вагон брали с собой ведро для туалета. А первое время в переездах мы очень страдали, на остановках выйдем из теплушек – кругом мужчины, притулиться негде. Становились кружком, одна в середину, а моча от передержки идет по каплям. Вот жизнь и научила. Постепенно лейтенант поправился.

Весной сорок третьего года (апрель-май) после ликвидации Сталинградского котла войска и технику стали перебрасывать на Воронежский фронт. Эшелоны шли один за другим, и наша задача

была беречь вокзал с одной стороны, а аэродром с другой. Сколько было пушек на охране станции Грязи, я не знаю, но наш дивизион был полностью. Возможно, это было все три батареи. Налеты были ежедневно, редко днем, но в двадцать четыре часа – немцы пунктуальны – были тут как тут. У нас на батарее жила собака, мы ее звали Кабысдох. Своим собачьим слухом она, как все псы, превосходила нас. И как только слышит шум самолета, бежит в землянку и прячется под нары. Бьем тревогу, мы уже готовы к бою.

В Грязях ко мне приехала мама, привезла мне гостинцы – свиное сало и семь поллитровых бутылок меда, оставила денег восемьсот рублей. Одну бутылку меда я выпила за два часа, пока сидела на валу около батареи. По половине бутылки на расчет орудийщикам отделила, сала им не досталось. Всей батареей съели пять бутылок, осталась одна. Девчата от нее отказались.

Девятого мая я пошла провожать маму на вокзал. Была тревога, был один самолет «мессершмитт» на очень большой высоте, стрелять бесполезно. Такую высоту пушки не брали. Мама растерялась, испугалась, побежала, я ее остановила. Видя, что я спокойна, успокоилась и она. Стоял эшелон, попросила бойцов довести маму. Они ее подхватили, подняли, посадили, сделали это с готовностью и радостью. Я им за это благодарна, помню всю жизнь. Они видели в маме не только женщину, но в ней и своих матерей и наше фронтовое братство. Все были доброжелательны друг к другу.

Когда Тоня Омелаева получила посылку, а там камни, – оставили в посылке только коробку со сливочным маслом, которое уже проржавело и прогоркло, – мы всем отделением плакали вместе с Тоней.

Встретились с ней в Киеве, она работала агрономом-овощеводом. После войны она окончила четвертый курс сельхозтехникума. Жила в Средней Азии, была уже вдовой, имела двух дочерей – шел 1982 год...

Надо описать, что же такое наша батарея. Это четыре пушки, калибр

ствола 85 мм, все снаряды 16 кг, длину снаряда точно не помню, но где-то около 80 см. С боеголовкой, на которой есть кольцо с делениями, шкала с резками, которые отмечают время горения пороха за одну секунду. Всего 34 секунды. Ключ одевался на колпачок, совмещались резки. Третий номер орудийного расчета совмещал шкалу на приборе, куда автоматически поступали данные с ПУАЗО-3, называл цифру. Один подавал четвертому снаряд, бросив колпак предохранения, четвертый устанавливал трубку – время полета снаряда, передавал заряжающему, который открывал затвор, вгонял снаряд в казенную часть ствола. Закрывал, происходил выстрел, ствол откатывался назад, поэтому заряжающий должен был делать шаг в левую сторону. Первый номер управлял движением ствола по горизонтали или, как мы обычно говорили, по азимуту. Он видел самолет или танк (цель) и, вращая маховик, вел эту цель, глядя в окуляр. Второй номер, глядя в окуляр, вращая маховик, вел цель по вертикали – угол места. Вращение ствола по горизонтали – 360 градусов, по вертикали – 75, точно не помню, почти вертикально, наверное, 85 градусов. Оставалась над головой небольшая мертвая зона. Заряжающий, точно не помню, – или 4-й, или 6-й номер, а седьмой – командир орудия. Можно было стрелять, время – одна секунда. Снаряд, вылетая из ствола, разрывался в 250 метрах, разлет осколков при взрыве тоже 250 метров. Так что это расстояние критическое, если враг был рядом, осколки могли поражать и своих. Располагались орудия на квадрате в 100 метров, в центре батареи – окоп для командира огневого взвода, чуть выше пояса глубиной, расстояние до орудий – 50 метров. Вес пушки – 4200 кг.

ПУАЗО-3 – прибор управления артиллерийским зенитным огнем четырехорудийной батареи. Располагался в 250 метрах от центра батареи, вес прибора – 2020 кг, дальность полета снаряда – 8500 метров. На двух колесах, стрела для прицепа к машине. Девять номеров: № 1 – совмещение параллакса и ветра – Чеботарева Мария Григорьевна; № 2 – Аня (Нюся) Дурнева; № 3 – Александра Фокина; № 4 – время полета снаряда – Капустина Татьяна; № 5 – установщик высоты – я; № 6 – наводчик по азимуту – Омелаева Тоня; № 7 –

наводчик по углу места – Николаенко Мария; № 8 – поправка по азимуту – Пикалова Надя; № 9 – поправка по углу места – Пискарева Аня; № 10 – командир отделения – Величко. Электрик (не помню, кто) следил за аккумуляторами, ездил с ними на зарядку. Потом с тринадцатой батареи к нам перевели Филатову Анну, а каким номером она работала, не помню.

Мы жили дружно. Вначале Омелаева, Чеботарева, желая утвердить свое «я» в коллективе, разделили нас на «стариков» и «молодых». Молодыми были Надя Пикалова, Шура Фокина, я, Пискарева Аня. Чеботарева войдет в раж и понесет: «Молодежь, неряхи, ну, совсем недотепы». Мне это слушать надоело. Я ей говорю: «Ну и что, если мы моложе вас на 1-3 года? Это что, преступление? Мы повзрослеем – состаримся. Службу несем не хуже, а даже лучше вас, «стариков». Каждая ухаживает сама за собой, вы за нами не ухаживаете, не стираете, не гладите. И мы не грязнее, чем вы. Когда же вы успели состариться, уже пройти огонь, воду и медные трубы? А ты, Чеботарева, педагог. Неужели ты вела себя так в классе и, как старая карга, ворчала и оскорбляла учеников?». Этот разговор положил конец придирам.

На посту стояли по очереди по два часа. Иногда навалится тоска, какое-то беспокойство, не спится. Я стояла две смены – четыре часа, а потом будила ту, что меня меняла. Это вошло у всех в привычку. С самого начала, стоя на посту с 4 до 6 утра, я стала чистить на приборе не только свое место, но и все остальные. Это экономило время, освобождало всем час матчистки. Масько это заметил и объявил в нашей землянке всем. Девчонки восторженились и заявили, что и они будут делать так же.

Если кто занеможет, мы не звали на пост, давали передышку. У Нади Пикаловой был бронхит, она очень кашляла, и, не сговариваясь, мы освободили ее от поста на длительное время, пока она не поправилась. Шура Марченко ходила с нею к врачу в медсанчасть полка. Часто недомогала Нюся Дурнева. Первое время с нами жили

дальномерщики Наташа Рахманинова и Ася Батракова, затем, когда взяли на фронт старшего стереоскописта Федченко, к ним пришла Зина Арчакова. После тяжелого ранения у нее были перебиты все кости голеней. Она долго лечилась в госпиталях и уже не вернулась в строй. Я с ней встречалась в Киеве, на встрече 317-го ЗАП. У нее была трофическая язва на правой голени. По ее словам, почти никогда не затягивалась, так она и ходила с бинтовой повязкой. Вышла замуж – два сына. Долго потом вели переписку, она не содержала никаких воспоминаний, просто поздравляли друг друга с праздниками. Позже вместо Арчаковой пришла Клава Чернова (наша, терновская).

Но я не совсем последовательна.

Всех ребят у нас заменяли девушками постепенно. Оставляли только командиров отделений, но потом отозвали и их. Командирами были девушки и они справлялись. Секретарем комитета комсомола в батарее была Мария Трунова. Она закончила пединститут, уже два или три года работала в школе педагогом. Комсомольская работа была налажена четко. В 1943 году ее избрали секретарем ВЛКСМ дивизии ПВО. В 1944 ей присвоили звание младшего политрука, так она и осталась на политической работе, окончила политшколу. После окончания войны вышла замуж за политрука Радченко, живет в Киеве. В 1982 году пришла на встречу. Побыла около часу и ушла. Мы уже были разные люди. Хотя многие из нас после войны добились и образования, и звания.

В батарее секретарем комсомола ВЛКСМ стал наш командир отделения Масько. В 1943 году, где-то в феврале или марте, его избрали секретарем ВЛКСМ полка. Командиром отделения стала Аня Величко. Масько тоже присвоили звание младшего политрука, он окончил высшую партийную школу. Преподавал в вузе основы марксизма-ленинизма, защитил диссертацию, стал кандидатом исторических наук. Живет в городе Львове (это из встречи 1988 года в Мукачево, но о встрече позже).

Аэродром позади, впереди – вокзал. На аэродроме вместо ИЛ-16,

появились новые машины МИГ-1, ЛАГ-1. Летчики их осваивали. Один самолет упал прямо в реку, вонзился в грунт дна. Две машины в облаке столкнулись, и летчики погибли. Налеты были частыми, почти ежедневно. С 24.00 до 4 часов бой, в основном вели заградительный огонь, ибо редко прожектористы ловили цель. Но прибор наш был недоработан, снаряды отставали по азимуту и не долетали до курса самолетов противника.

Жизнь проходила в очень замкнутом пространстве – отделение, землянка и прибор. Совсем не ходили к разведчикам, редко бывали в орудийных расчетах, а о других батареях и разговора не было. Жизнь однообразна. Сводки с фронтов передавали по телефону, радики наши не работали. Телефонисты записывали. В конце марта лейтенант, командир взвода управления, уехал на НП за 25 км от батареи.

В начале апреля 1943 года нам выдали новую форму, т.е. сменили. Ботинки выдали английские, на толстой с шипами подошве – бутсы и обмотки, размер 45-47. Ужас! Комбат обратился к оружейникам: «Кто имеет навыки сапожного дела?». Им оказался рядовой отделения зенитного пулемета 4-хствольного (стволы слиты один к одному, но патронов нет – пулемет английский). Вот он и начал эти бутсы перешивать. Пришел к нам в отделение и говорит: «У кого самая маленькая нога?». Посмотрел на наши ноги. Я оказалась первой. Он всем девочкам пошил отличные ботинки. К 1 мая мы выглядели хорошо: новые юбки, новые гимнастерки. Вернулся Иванов, посмотрел на строй девчат и говорит: «Вот, ходим мы в самоволку, красивых девчат ищем, а у нас на батарее свои красавицы». Он стал собирать всех девчат со всех отделений вместе и читал нам рассказ Чехова «Руководство для желающих жениться». И наставлял нас: «Вот какое приданое вы должны готовить!». А потом все смеялись.

Наш командир огневого взвода Бесперстов хорошо играл на гармошке рояльного строя, он ее звал «гармаза». Вечерами, когда наша батарея была дежурной с 20.00 до 24.00, мы выходили на проезжую грунтовую дорогу за орудиями. Он нам играл простые

народные танцы: саратово, страдания, краковяк, и наше приборное отделение танцевало. Орудийные расчеты по местам, иногда и мы сидели на приборе, готовность №1.

14 мая 1943 года мы дежурили с 20.00 до 24.00 часов, лейтенант играл, мы танцевали. Вечер теплый, мягкий, небо синее, ни единого облачка, поле зеленое, его не вспахивали уже не первый год. В 23.00 я оглянулась, глядя на небо, и увидела осветительную авиабомбу, а звука самолетов не слышно. Дали тревогу, быстро заняли свои места. Цели не видно, начался бой. Сколько было батарей, я не знаю. В нашем дивизионе три батареи – это 10 орудий, а может быть, были и другие. Нашу батарею засекли и стали пикировать. Бомбили и аэродром, но по тревоге самолеты успели взлететь, пострадали наземные службы и люди. Мы подносили снаряды, огонь вели непрерывный, до 25 выстрелов в минуту, стволы раскалились докрасна. Я была на бруствере первого орудия, только положила снаряды, через меня прогремели выстрелы, я оглохла. Но увидела, что расчет отошел от пушки, пригнулись к стенкам окопа, поняла, что летят бомбы. Глянула вверх, «хейнкель-111» был над орудием, метров 300 высота. Могучий, литой, он выходил из пике. Я успела лечь, раздались взрывы бомб, по мне захлестали комья земли и осколки.

После взрывов наступила тишина, осветительная авиабомба висела над батареей, медленно спускалась на парашюте, взрывалась частями, окалина раскаленная. Долго светилась, остывая, и падала золотым дождем. Никаких команд не слышно. Я почувствовала, что по правой стороне тела у меня течет кровь. Правую руку в плечевом суставе не могу поднять, правая нога хромает, но боли я еще не чувствовала. Кто-то сказал мне, что надо идти к дальномерщикам, там санинструктор. Чем ближе я подходила к землянке, тем ближе слышала разрывы бомб, а за землянкой был вообще ад.

Я подумала, что связисты, устраняя обрывы кабеля, ходят и по таким местам, и повернула обратно, т.к. землянка была пуста. Пришла во взводууправление – землянка была большая, там была Аня

Мокишина (?), наш новый санинструктор-фельдшер. Она перевязывала и накладывала шины на ноги Зине Арчаковой и нашему повару. Субботину уже перевязала голову, здесь же была Шура Фокина. А вот где был Бесперстов, не знаю. О том, что он тяжело ранен, я узнала позже. Всегда такая стеснительная, по требованию Ани я сняла гимнастерку, а ведь здесь же были мужчины, – старшина Белозеров и политрук дивизиона капитан Черный.

Вся правая сторона тела у меня была в крови, но это не сплошная рана, а потоки. Ранение было в верхнюю треть правого плеча. Сквозное, но поверхностное, пробило мышцу, а кость, артерия и вена целы. Другие – в область печени, подкожное – в правую ягодицу, в заднюю поверхность обеих бедер, ранения слепые, осколки мелкие. И подкожное ранение в область правой кисти. Сделали перевязку, уложили в постель. Бой продолжался, но уже без нас. Потом пришла санитарная машина с медсанчасти аэродрома и забрала нас: двоих мужчин и четырех девушек. Четверо на носилках, только мы с Шурой могли двигаться сами.

Теперь уже бомбили аэродром, и, кажется, прибыла вторая партия бомбардировщиков. Все длилось до четырех часов утра.

Медсанчасть – огромная землянка с длинными нарами – была полна ранеными. Утром нас на грузовой машине, настелив матрацы, уложили всех, сидеть не разрешили и отправили в Мичуринск. Очевидно, носилочных раненых отправили на санитарных машинах. Девушек доставили в госпиталь профилированный, для лечения ранения конечностей. Лейтенанта в другой госпиталь – с ранениями в брюшную полость. Субботина в третий – ранения в череп. Двое погибли, в том числе один из пулеметчиков, фамилию не помню.

В госпитале я обнаружила, что здорово снижен слух, при обычной речи я не разбираю слов, но говор слышала. Потянулись госпитальные дни. Ходила, таская правую ногу, рука в плечевом суставе не двигалась. Затем рана начала нагнаиваться, воспаляться, мне стали присыпать рану стрептоцидом – помогло. Когда раны стали

затягиваться, назначили лечебную гимнастику.

К нам приехал старшина, привез гостинцы. Вся батарея отказалась от получения сахара на декаду и тушенки. Мы с Шурой от всего оказались, у нас были деньги. Мы ходили с нею на рынок, покупали по пол-литра молока и по одному пирожку, начиненному фасолью. Такую же порцию и для лейтенанта, ходили к нему каждый день. К Субботину ходили один раз, идти было далеко. Когда стала подживать у лейтенанта рана в подколенной области, лейтенанта оперировали. У него был осколок в брюшной области, он не поранил внутренних органов, но мешал. Пришли к нему после его операции, он нам говорит, что было очень больно, легче родить. Вот мы смеялись, откуда он знает, как рожать, он парень. Он уже начал поправляться, когда нас выписали.

Кормили в госпитале очень плохо, утром каши давали, как годовалому ребенку. Обед – щи из перекишей капусты без картофеля, заправлены растительным маслом. На второе – тоже капуста, но погуще.

Когда я вернулась на батарею, девчата рассказывали: «Вас увезли в госпиталь, а мы ушли в землянку свою, встали к стене и дрожим, так было страшно». И это говорила Николаенко – наводчица. Я всегда думала, что страшно только мне, потому что никто никогда об этом не говорил, а все вели себя очень сдержано – ни крика, ни шума, ни слез. Каждый знал, что надо делать. Подавали другие команды – выполняли точно в срок.

Они [девчата] сказали, что в эту ночь на нашу батарею было сброшено 120 бомб (посчитали по воронкам).

В Мичуринске есть драмтеатр. Увидели мы афишу – идет завтра спектакль А.Н.Островского «Без вины виноватые». Мы решили пойти посмотреть. Но одеты мы как больные: нижнее белье, кальсоны мужские и рубашка, халат громадный и рваные тапки. Попросили медсестер вольнонаемных что-нибудь нам принести из одежды. Вот

нам и принесли платье с коротким рукавом, блузку тоже с коротким рукавом, юбку и туфли старенькие. Мы были не такими, как современная молодежь. На голое тело все это было надеть нельзя. Подкатали рукава рубашек, завернули штанины кальсон, укрепили бинтами – и в театр, думая, что мы в бальных платьях. Ничего, сошло. Спектакль хороший, играли неплохо. Так мы обе впервые посетили театр.

Ходили за реку на луг на прогулку мимо сада Ивана Мичурина. Я выбрала в библиотеке книгу Л.Н.Толстого «Анна Каренина». Взяла ее с собой на прогулку. Подошел к нам мужчина, тоже раненый, на прогулке, спрашивает: «Что вы читаете?». Я назвала. Он говорит: «Я этот роман знаю наизусть». Мы были поражены. Он говорит: «Проверьте, только скажите мне год издания, номер главы и страницы». Я назвала год издания, открыла наугад, назвала главу и страницу. Он стал читать, как будто по книге, прочитал три страницы. Потом в другом месте, в третьем. Я спрашиваю, как это он усвоил. Он ответил: «Я писатель». Я попросила назвать себя, он этого не сделал. Вот такая была встреча с уникальным человеком.

10 июня 1943 года нас выписали в свою часть. Последний раз сходили к лейтенанту, отнесли как обычно пирожок и молоко, оставили ему денег сто рублей. Это на пять дней – и до свидания. Пришли на вокзал, шинели в скатках, ничего не видно, а гимнастерки и юбки в засохшей крови. По положению нам должны были дать все новое, но его не было, нам отдали все рваное и грязное. Доехав до Грязей, Шура вышла. Она жила в селе Архангельское, а я поехала мимо батареи домой. От Грязей до Есипово – 130-140 км, а поезд шел всю ночь, и всю ночь я просидела у окна. Ночь была лунная, такая ясная-ясная – и тишина. В пять часов утра была в Есипово.

Поклажа у меня невелика: скатка шинели через плечо, вещмешок за спиной с бельишком и подушечка. При бомбежке Грязей загорались дома. Старшина со своим хозвзводом ходили тушить пожары, вот из одного горящего домика и принесли верблюжье одеяло и перину

огромную. И все это отдали комбату Метрику. Мы из нее поделали себе «думочки» (подушки), а она оставалась еще очень большой. В ней было 2 пуда – 32 кг. Вот – моя, да еще меня, раненую, положили на кровать комбата. Его «думочка» тоже перешла ко мне, но все это очень легкое.

В тихое теплое ясное утро в шесть часов я была уже дома. Подхожу к хате, а мама штукатурит хату. Руки по локоть в глине, я к ней: «Мама!». Она глянула на меня и не верит своим глазам: «Тамара?» – и пошла мыть руки, а я вроде обиделась.

Потом дошло: обними она меня, и я вся была бы в глине. На другой день мы пошли в сахзавод (я, мама и тетя Саня) к тете Марфе. Не успели мы далеко отойти, как нас окружили женщины и стали рассказывать, что вот только что здесь были беженцы на двух подводах. Одна из них – не то цыганка или молдаванка – гадает, всем сказала всю правду. Мама тревожилась за мою судьбу, хотела знать наперед, что будет. И мы пошли домой догонять беженцев, т.к. они поехали в нашу сторону. Они остановились у опушки леса за нашей деревней. Взяла мама молоко, хлеб, деньги, и мы пошли.

Женщина средних лет, брюнетка, симпатичная, но в чертах ее лица не было характерных особенностей. Она дала мне кругленькое зеркальце и велела над ним про себя подумать свое имя. А мне сделать было это трудно, как-то всегда у меня не получается. Первое было, невольно, Татьяна. Потом я стала ворочать своим языком, чтобы сказать «Тамара», отдала ей зеркало. Она говорит: «Татьяна?» – «Нет».

Она дала зеркало маме – Татьяна. Тете Сане – Татьяна. Снова мне, попросила, чтобы я повторила свое имя несколько раз. Я это сделала, акцентируя упор на «эр». Она спросила: «В твоём имени есть буква «эр»?» Я ответила утвердительно. «Тамара?» – «Да!». «Ты живешь не под своим именем и не под своим счастьем». Короче, она сказала мне, что все, к чему я стремлюсь, достигну. Будет очень страшно, но больше удара мне не будет. Мне предстоит дорога, чтобы я не спешила и не боялась, будет так хорошо, что я буду удивлена. В этой

дороге мне грозит опасность, но все обойдется.

Мой дядя, брат матери Василий, погиб под большим городом. У него четверо детей, но о последнем он не знает. Не ждите.

Дядя по линии матери, но не кровный, жив. От него было одно письмо в дороге. Больше писем не будет, но он вернется цел и невредим в тот же год, как кончится война. У него пять детей, о младшем не знает.

У тебя был друг, потом посмотрела еще раз в карты и сказала: «Нет. Командир. Он не русский, но его все любили. Он погиб, но его и на том свете потревожили». Будет мне благородный король, но я отдам его другой своими руками. После дороги буду болеть, но не сильно, или находиться среди раненых – не долго. Будет один ребенок – сын, большой человек, т.е. хороший. Будет мне грозить смертельная опасность, но я помогу себе сама. Будет еще очень плохо, тяжело, но я переживу. Будет много-много воды, и в моей семье будет гроб. Будет повышение в чинах. Здоровье будет неважное, но жить буду долго. Проживу жизнь не очень плохо и не очень хорошо. Короче, все сбылось. Но это – потом...

Мама пошла на речку, чтобы постирать мою шинель, гимнастерку, юбку. Шинель вся в крови, свернутая она не высохла, кровавые пятна были влажными. От локтя до кисти кровавый рукав, как разрезан. Осколок – пластинка 2 см длина, 0,5 см ширина, 0,2 см толщина – застрял под кожей, на бугорке кисти. Я его легко вынула сама. По обеим полам на разрезе выбиты дыры 15 см длины и 4 см ширины. Плечо справа – две дыры, а на спине – посечены верхние нити, не все осколки впились в тело, а то бы из меня получилось решето. На мое счастье одна из бомб не взорвалась, она была на 500 кг, от меня ничего не осталось бы. Значит, у нее не было взрывателя. И в Германии потихоньку вредили [фашистам] и помогали нам.

Мать и отец были в ужасе. Им хотелось вернуть меня домой. Но как? Они придумали, чтобы я забеременела, и меня демобилизуют, что

они и моего ребенка вырастят и запишут на себя. Все обдумали, теперь стояла задача все это внушить мне. Сами вначале на эту тему они говорить со мной не решались, подослали тетю Саню:

«Тамарочка, вот мать и отец говорят, чтобы ты ушла из армии. Другие-то приезжают». Я ответила, что это абсолютно исключается. Я буду служить честно. И портить свою жизнь не хочу и не буду. Тогда они повели атаку втроем, окружили меня и давай доказывать. Я с ними была беспощадна. Я им сказала: «От нашей семьи я одна защищаю Родину. В других семьях – по 2-3-4 человека. А у Филиппа Ивановича он сам и еще пять человек. А вы хотите загребать жар чужими руками? Растите своих детей! Когда придет время, я рожу себе ребенка и растить его буду сама. А чтобы вы успокоились и не надоедали мне подобными разговорами, я завтра уеду!». Мать сказала: «Неужели ты – такая девка, что никто на тебя не позавидует?». Я сказала, что не знаю, у нас любовь запрещена. Уж любитесь вы сами.

Моя угроза уехать охладила их пыл. Стали уговаривать пожить дома еще хотя бы 3-4 дня. Я отказалась и стала собираться в дорогу. Я уже пробыла дома четыре дня, завтра пятый. Стала мыть голову: взяла корыто, в него поместила таз. Моя самая маленькая сестра Тоня подросла, ей уже было 2 года 10 месяцев. Она стояла передо мной и вдруг говорит: «Вот, она какая, Тамара наша!». Она меня забыла, а теперь знакомилась вновь.

На второй день пошли в Есипово, провожать пошли папа и мама, а Тоня плачет и не отпускает меня. Я взяла ее с собой. Идти за нами, понятно, она не могла, слишком еще мала – я взяла ее на руки. Вышли на бугор за деревню. Я устала ее нести, отец заметил это, взял ее у меня, посадил на плечи и пошли дальше. Пассажирского поезда я и не ждала. Идут товарняки, какой остановится, тот и мой. День ясный, солнечный, тепло, привольно, ждать пришлось недолго. Я села на крылечко одного вагона, посидеть негде, но стоять удобно. Тоня плакала, папа буквально оторвал ее от меня.

В Жердевке тоже была остановка. Ко мне на это крылечко (это проходной тамбур, в конце вагона дверей нет, но напоминает крыльцо) села молодая женщина. Поезд тронулся, стал набирать скорость, и я услышала какие-то сдавленные звуки. Поглядела направо, вижу – пожилой мужчина, сухонький, седой, висит на одной руке, держась за поручень, другую тянет вперед, но ухватиться не может, его относит назад. Я нагнулась через бортик, стала ловить его руку, мне пришлось высунуться до пояса, обе руки у меня за бортом. Ухватиться ни за что я не могу, высунулась до паха. Я поймала его руку, но у меня нет опоры, я его не могу подтянуть, а он начал меня стаскивать. Я стала звать женщину, чтобы она меня подтянула за мои ноги, но она не сразу услышала и поняла, но все же успела. Она стала тянуть меня за ноги, а я человека за руку, другой рукой он держался. Вот так вдвоем мы его вытащили, очень испугались, нескоро пришли в себя. Нас с ним раздавили бы колеса. Вот так сбылось первое предсказание.

Прибыла я прямо на ДКП – дивизионный командный пункт. Старший политрук Черный спросил меня: «Дома была?». Ответила: «Да!». «Сколько дней?» – «Пять». «Почему так мало? Ты же знаешь, что отсюда не отпустим».

А я ожидала разноса. Прибыла и Шура. Оказывается, наш дивизион из 254-го ЗАП передали в 317-й ЗАП, а мы выписаны из госпиталя в свою часть. Но мы рядовые, и нас можно было оставить.

Комиссар сказал мне, что послали в полк представление на награждение медалью «За боевые заслуги». Но, очевидно, документы ушли в 254-й ЗАП, а меня там не оказалось. Так этот посыл оказался пустым. Нас с Шурой поместили в карантин на три недели. Этот карантин был заброшенной хатой метров за 500 от ДКП, там этих хат было пять или шесть. В одной из них была односпальная железная кровать со старым матрацем. Получали пищу на ДКП. Заняться было нечем: ни книг, ни рукоделия.

Налеты были ежедневные, по тревоге мы уходили в окопчик недалеко

от хаты. В какой-то день, часов в девять или в десять был налет, я не хотела идти в окоп, но Шура настояла: «Пойдем!». И мы пошли. Дали отбой, бой закончился, мы пошли в наш домик. Во дворе упала бомба, большая воронка, а под нашей кроватью под подоконником пробило стену. Огромная дыра, и прямо под нашу кровать. Мы пошли на ДКП и сказали: «Мы здесь больше не будем. Разрешите идти на батарею?». Нам разрешили, мы вернулись в свое отделение. Так мы вернулись в строй.

Через неделю я заболела, снова малярия, пила акрихин. Приступы были недолго, я оставалась работоспособной, на пост меня не будили.

В последних числах июня или первых июля мы переехали в Отрожки. Ехали своим ходом. Орудийщики на пушках, а мы на приборе. Разведка, связь, дальномерщики – на машине. Ехали долго, трактора не имеют большой скорости, а мы передвигались колонной. Дорога грунтовая, выбоин и колдобин тьма. Хорошо еще, что скорость невелика. Прибыли на место. Площадь работ громадная, зыбучий песок. Стали копать окопы, землянки. Выкинешь лопату песка, а ямка уже засыпалась. Лопат на всех не хватало.

Таня Капустина – девушка крупная, сильная и очень трудолюбивая. Военную службу переносила очень тяжело. Она говорила: «Лучше бы мне дали семь человек детей вместо этой службы». Она всегда стирала подворотнички, манжеты, гимнастерки комбату и командиру взвода. И на этих работах не хотела отдыхать. Я начну копать, возьму у кого-нибудь лопату (а у нее девчата тоже отбирали), так она постоит немного, подойдет ко мне и отберет. Все же мы батарею оборудовали. Столярные, вернее, плотницкие работы делал комбат. Старший лейтенант Стариков, когда наша землянка была готова, сказал: «Я вам помогал, теперь будете мне помогать копать землянку». Мы, конечно, согласились.

Ночью мне приснился сон. Мы всем отделением копаем комбату землянку, котлован уже глубокий и очень широкий. Подходит к нам мужчина среднего роста, худощавый, одет во все черное. Лица не

видно, спрашивает: «Девочки, что вы делаете?» – «Землянку комбатуром». «Напрасный труд. Вы ее доделать не успеете. У вашего старшины и материала на нее нет. А через три дня вы уедете». И пропал.

Я утром рассказала сон, девчата подняли меня на смех. Вот начиталась. Я знала жизнь из книг, а они были такие практичные, сразу догадаются, правильно или нет. Их это не заботило, и считали себя всегда правыми, не все, конечно, а наши «старики». Ну, что там сон, чтобы нам верить. Мы копали эту землянку два дня, котлован огромный, но ни столбов, ни досок нет. На третий день в четыре часа дня комбата вызвали на ДКП. Вернулся он очень быстро и, не доходя батареи, скомандовал: «Тревога!». Мы заняли все свои места, и он скомандовал: «Отбой – поход».

Мы быстро собрались, через полчаса были уже в пути. Воронеж был уже освобожден, там бои шли целый год. Но реку Воронеж он [немец] не форсировал. Ехали всю ночь, на дневное время в рощице был привал. В ночь снова в путь. Линия фронта близко, редкая перестрелка, но от нас в стороне. Приказано рыть окопы для орудий и приборов, к 4.00 быть готовыми. Нужной глубины мы выкопать не успели. Начальство дало все указания, мы – исполнители.

4 июля в 2 часа 20 минут одновременно выстрелили тысячи орудий (кроме полевых еще и зенитные). Каждой батарее – свои координаты. Самолеты бомбили, в воздухе не поймешь, где свои, где чужие. Потом мы вели заградогонь: два орудия – по наземным целям, еще два орудия – по воздушным. Били 4 часа, стволы пушек были красные. В 8.00 вперед пошли танки, за ними пехота. Бой продолжался, не затихая.

Вечером нам дали «Отбой – поход». Ехали всю ночь, спали сидя. Где остановились, неизвестно – вокруг голое поле, кое-где полосы кустарника. Оказалось, это Касторное. Ни единого домика или сарайчика – голые рельсы, узловая станция, питающая фронт. От этой станции мы окопались на расстоянии около километра, закрыв

пушки маскировочными сетями, но привели в порядок хозяйство полностью не сразу, сказалась усталость. Бодрствовали только часовые, остальные спали, было некогда поесть, старшина раздавал сухари. Но на нашей батарее потерь не было...

6 ноября 1943 года освободили Киев. В ночь мы погрузились в эшелон и двинулись на запад. Значит, нас, в районе Касторной, был не один дивизион, а сколько – не знаю.

8 ноября 1943 года мы выгрузились на станции Дарница. Еще дымились пожары, на земле кровь свежая. Все постройки и дома разбиты. Хотелось пить. Нашли кусок проволоки, зацепили за котелок и в люк водопровода. Проволокой зацепили и подтянули... Плакали над руинами. Вокруг Дарницы столетний сосновый бор, пошли смотреть. Набрели на свежее кладбище, могилы одна к одной на расстоянии 40-50 сантиметров. Ряды длинные и в каждом 20-30-40 человек. Фанерные досточки вместо памятников и крестов с Ф.И.О., годом рождения, адресом. Оплакали, поклонились, помолились. А вот где ночевали, как – ничего не помню, ели ли чего-нибудь – тоже не помню.

На второй день мы дождались своей очереди на переправе. Сидели все на своих местах (я имею в виду огневой взвод), по понтонному мосту ехали тихо-тихо. Колеса погружались в воду. Эта переправа выходила с южной стороны Киево-Печерской лавры, а командный пункт полка на ее территории. Главная церковь лавры была взорвана немцами.

Дислокацию нашей батарее дали на ипподроме, на высоте холма. Высокий обрывистый берег Днепра. Очень широкий обзор реки и заречья. Пошел мелкий дождь, беспрестанный ветер. Мы долбили грунт ломом. Откалывались крупинки, и так на глубину 60-70 сантиметров. Глина утрамбованная. Все промокли до нитки. Руки замерзали, на ладонях волдыри. Я и Таня Капустина пошли по окрестностям найти где-нибудь и что-нибудь, чтобы можно сделать печку-буржуйку, растопить и погреть руки. Костер горит плохо,

заливает дождь.

Зашли на территорию монастыря Киево-Печерской лавры. Он был хорошей крепостью. Земляной вал очень высокий, склоны крутые, ворота высотой около 2,5-3-х метров, широкие – две машины грузовые пройдут рядом или навстречу друг другу. Две створки около 3-х метров ширины каждая, кованые, тяжелые. Они были распахнуты, но держались на петлях. Вдоль вала, с внутренней стороны, шли низкие постройки, маленькие комнаты. У каждой свой выход на улицу, окна смотрели на стену земляного вала, с этой стороны почти отвесного. В них не было ни рам, ни дверей, ни полов, одна осыпавшаяся штукатурка. Мы хотели пересечь площадь, а она была метров 250-300 в ширину, но только отошли от стены, были обстреляны. Выстрелов не слышно, а пули жвывают у ног, и не видно дымков выстрела. Мы отошли под прикрытие стен. Вторая попытка закончилась так же. Все же мы продолжили поиски и нашли старую железную печку. Принесли, растопили и согрели руки.

Нашли библиотеку: газеты, журналы и политическая литература валялись на полу, хороших книг не было. Набрали газет и журналов, ими и топили. Нужен был стройматериал. Мы пришли в двухэтажный домик, это было детское учреждение без дверей и окон. Его сторожил пожилой мужчина. Мы стали выламывать пол – хорошие доски для землянки. Он стал ругаться: «Немцы жгли и ломали, и свои тоже». Я ответила: «Вы видите, мы насквозь мокрые, замерзли. Кончится война, построим новые дома. А нам нужна землянка». Он ничего не ответил. Эта постройка была сделана очень добротно, и, конечно, после войны построили, но качество уже не то. Кроме этих досок где-то раздобыли еще, настелили на землю. Укрылись тентом от прибора и, прижавшись друг к другу, не раздеваясь, поспали, а с раннего утра – снова за работу. Ввиду дождливой погоды, низкой облачности налетов не было. На третий день у нас была готова землянка.

Эту буржуйку обложили кирпичами, а то из нее сыпались угли, где-то

нашли и трубу. Прояснилась погода, и пошли налеты. Враг старался разбить переправу – эта единственная нить, как аорта, снабжала весь Западный фронт.

Когда стояли на ипподроме, налеты были частыми, ежедневными, но бомбили в основном переправу. На город бомб было сброшено меньше. Весь бой – над Днепром. Зенитно-пулеметные гнезда, четырехствольные пулеметы стреляли трассирующими. И ленты снарядов, как разноцветные гирлянды, тянулись к цели. Они гасли, немного не долетая до цели. В вышине – взрывы зенитных снарядов. Все отражается в водах Днепра, напоминает иллюминацию.

За Киевом в пригородах шли бои. Потом затихла канонада. В последних числах ноября или первых декабря нависла угроза прорыва танков. Нам приказали отрыть окопы, каждый на двоих, сделали так и там, где приказано. Окопы узкие и глубокие. Выдали гранаты и бутылки с горючей смесью. Жили в тревоге, но наши бойцы стояли стойко. Прорыва не произошло, и наши войска двинулись вперед.

Мы сменили позицию. Она оказалась на втором километре по Нежинской железной дороге в лесу. Сосны высоченные, поляна только-только вместила батарею, позиция была готовая. Перед выездной аппарелью прибора редкие кусты, а там – полупроходимое болото. Змей было очень много, они были клубками. Землянки две – одна спальня, другая для занятий. От железной дороги мы были примерно в одном километре. Тут была полоса леса шириной в 700-800 метров, на посту у прибора было очень мало места. Обзор плохой, высокие сосны закрывали. Налеты были частые.

В декабре 1943 года от тяжелых ран умер наш командующий фронтом Ватутин. Его похоронили рядом с ипподромом. Мы были в готовности № 1, но нам хорошо было все видно. В 1982 году состоялась встреча, и мы были на могиле. Кругом все заросло деревьями. Мне показалось, что могилу перенесли, но – нет... Это за прошедшие годы они [деревья] выросли, как лес.

Наступила весна. Здесь она пришла немного раньше, чем у нас дома. За соснами не так сильно мучили ветры. Но вот, забыла последовательность событий...

Девчата стали ругаться матом, не ругались только Надя Пикалова и я. Вот как-то одумались – что же мы делаем? Чтобы искоренить мат, решили так: кто матюгнется – иди на пост, стой два часа. Была метель, было холодно. Таня Капустина стояла на посту, замерзла. Вошла в землянку, чтобы передать мне унты и пуховой мой платок, который не сходил с поста. Начала раздеваться и выругалась, схватила платок и винтовку и снова на пост. Отстояв четыре часа, она так устала, войдя в землянку, выругалась, потом, вроде ей уж все равно, выдала серию мата. Всем отделением навалились на нее и на пост не пустили – это все равно как самоубийство. Все же эта мера стала сдерживать, и мат почти прекратился.

18 апреля 1944 года немцы бросили на переправу Дарницю и Киев всю свою бомбардировочную и истребительную авиацию, всего около 500 самолетов. В 24.00 с нашего сектора охраны появилась армада, очень быстро на подходе прожектористы поймали цель. Я работала четвертым номером – время полета снаряда. Без команды сама дала одну секунду больше – это 250 метров. Самолет шел на нас, и с первого залпа его подбили. Летчики выпрыгнули и приземлились на болоте. Их оказались трое – с флагмана главнокомандующего воздушной армией немцев Центрального фронта. Бой шел до 5 часов утра. Вся наша истребительная авиация фронта была задействована. За этот бой было уничтожено зенитно-артиллерийским огнем и нашей истребительной авиацией 87 самолетов противника.

В городе Киеве зенитно-пулеметный расчет, установленный в кузове грузовой машины, сбил самолет «юнкерс-88». Его [расчет] засекли, стали на него пикировать. Они переменили позицию, продолжали сражение, были убиты все девочки, остались командир отделения и водитель, единственный мужчина в отделении. Командир отделения сама взялась за пулемет, на нее стал пикировать «юнкерс-88». Она

продолжала стрелять и сбивала самолет, но он успел сбросить бомбы. Одна попала прямо в машину, она погибла, и от нее остались только кисти рук на гашетке. Ее посмертно наградили орденом Красной Звезды, написали матери благодарность за воспитание дочери.

За этот бой нашему командиру батареи вручили орден Красной Звезды. Командирам орудийных расчетов и командиру приборного отделения – медали «За боевые заслуги». А всему расчету приборного отделения – значки «Отличник ПВО». Но таких не было в наличии, и нам дали «Отличник–артиллерист». Он у меня вместе с медалью, первой юбилейной, погиб в цунами (на Курилах).

Вскоре мы переехали в Киев, вернее, в его окрестности. Наши войска успешно шли на запад. Нашу 3-ю дивизию ПВО передали в подчинение Южного фронта ПВО.

Перед праздником 1 Мая из ставки фронта прибыла комиссия – проверка боевой и политической подготовки. Их было человек сорок, полный автобус. На всех орудийных расчетах одновременно стоял проверяющий за каждым номером; так же и у прибора. Дали вводную: азимут, угол места, высоту. Доклад. Цель поймана. Совмещаю все номера, доложили – есть совмещение. Командир отделения доложил: «Прибор готов!». Нам дали десять команд, через равные промежутки времени, когда цель уходила от нас, потом обратно 10 команд. Записали все данные, и на приборе все показания совпали точно-точно, ни на йоту отклонений. Орудийщики повторили наши остановки. Точно. Комиссия была поражена, по всему фронту они встретили такую точность впервые.

Наш дивизион с июня 1944 года был передан в 317-й ЗАП. Вышел на первое место по Южному фронту ПВО, а наша батарея на первое место в полку. Ее сделали учебной. Месяц снова занимались уставами, учебной стрельбой, строевой. Проверяли. Всему личному составу присвоили очередные звания младшего командного состава. На все оформление ушел целый месяц. Затем батарею расформировали, пятьдесят процентов разослали командирами

орудий и командирами приборных отрядов разведки, связи. Удалили и меня с батареи по личным мотивам...

Я стала командиром приборного отделения 13-й батареи. Командир батареи – старший лейтенант Эпельбаум. Отделение было аховое. Призванные в армию в апреле 1944 года после оккупации, все женщины до 32 лет. Все старше меня на 10-12 лет, кроме Стаценко, Глушковой и Иры Кашеловой (или Кошелевой) – ей было только 16 лет.

Она – дочь генерала, который служил в Средней Азии. У нее умерла мать, причину не говорила. Отец женился на особе, чуть старше нее. Ира ушла из дома и была главой «малины». По просьбе отца милиция ее нашла, и отец отправил ее в армию для воспитания. Она управляла этими женщинами так же хорошо, как и «малиной» – все исподтишка, она порочна от рождения.

Всем им хотелось быть командирами, чтобы их награждали. Лидия Стаценко была настоящая брюзга, она все жаловалась, как она хорошо работала на почте, принимала телеграммы и была связной партизанского отряда. Я ей сказала: «Что ты сама себя хвалишь? Кто бы тебя взял в связные такую болтушку, ты бы выдала всех, похваляясь, какая ты хорошая. Разве тебя не знали соседи такую плаксу и себялюбку. За что вас награждать? Какие вы подвиги совершили? Сколько вы, каждая, подбили танков? Сколько сбили самолетов, сколько уничтожили немцев? Снайперов и то награждали за 40 человек! Где взять столько отделений, чтобы все были командирами? Да вы к тому же еще вообще не бывали в боях».

Приходил политрук дивизиона, отзывал меня. Прохаживались по тропинке, он меня воспитывал, говорил о Суворове и т.д. Мне это надоело, и я ему сказала: «Что Вы воспитываете меня? Я доброволец, третий год в армии, была в боях. Достаточно образована, знаю историю. Вы лучше бы побеседовали с моим отделением. Они были в оккупации, мне ни одна из них не нравится».



Он пришел однажды в отделение, вызвал меня из землянки. После отозвал в сторону и говорит, что они на меня в обиде за то, что я сказала, что они были пособниками немцев. Я ему ответила, что это ложь, извращение. Пояснила, что

проводила беседу о том, что Гитлер рассчитывал на пятую колонну, на вражду между нациями, а наш союз нерушим. Россия – единственное государство в мире, к которому добровольно присоединились другие народы.

Он ушел и больше не появлялся. Очевидно, боялся, что эта орава может сделать такой поклев на него самого, что ему после этого будет грустно.

Уже появились истребители МИГ-7 и ЛА-5. Они были достойными противниками «мессершмиттам». Этот самолет у немцев прошел всю войну, как наш Ил-2 – штурмовик. С первых до последних дней. Самолетов, танков стало много. Танк Т-34 выдержал испытания. Еще пятьсот лет назад французский врач и оракул Нострадамус в своих центуриях писал: «Война будит мысль человека, который науке дает Прометеев разбег».

Поистине можно удивляться тому, что, ведя непрестанные, жестокие бои, наш титанический народ не оскудел, а стал наращивать мощь страны. Два человека с непреклонной волей стояли тогда у кормила страны: Сталин, как главнокомандующий, и Берия – министр внутренних дел.

Люди делали невозможное возможным чаще за страх, а не за совесть. Эвакуированные в Сибирь-матушку, они в мороз сибирский устанавливали станки под открытым небом. Начинали и работали круглые сутки, а над их головами строили корпуса. Трудились и стар, и мал. Пришли и великие полководцы. Вчера их еще никто не знал, а сегодня о них говорит вся страна: Жуков, Рокоссовский, Конев, Ватутин, Толбухин...

Уже в 1942 году появились новые «Катюши». КПП (командный пункт полка) был в Отрадном, командир полка подполковник Василий Максимович Шуяков не успел его покинуть и укрыться, уничтожил документ, который не мог взять, но залп «Катюши» дали вовремя, как и обещали. И он погиб от своих пуль. Потом останки перенесли в Выкрестово в могилу, где были похоронены шесть девушек неизвестных. Их наскоро похоронили и ушли.

Забегая вперед. 25 лет спустя после Победы, я ездила с группой рабочих на двухдневный отдых на турбазу ПНИТИ на реку Угру.



Река довольно широкая и глубокая, дно каменистое. Правый берег высокий и обрывистый, а левый покрыт лесами. В этот лес пошли собирать грибы. И нашли просеку метров 600-700 ширины, длина около 1500 метров; следы сожженных деревьев, т.е. обгорелые пни. Уже начали от корней расти побеги. Это был залп «Катюши», но как там она могла оказаться, мне не понятно. Лес густой и машина там не пройдет. Давно закончилась война, а раны на нашей

многострадальной земле еще сохранились и будут видны еще много лет.

...С начала 1944 года начали строить железнодорожный мост. Ширина Днепра – 1200 метров, подъездные пути – еще 350-400 метров. Его построили за 8 месяцев. Американцы и англичане не верили, что за такой короткий срок можно построить мост на такой широкой и глубокой реке. Приезжали делегации – посмотрели, убедились.

Наша батарея стояла в 800 метрах на правом берегу. Место низкое, грунтовые воды высокие, землянку копать нельзя, прибор стоял на ровном месте, орудийные расчеты сделали бруствер из дерна. Спали под тентом от прибора, натянули его как палатку. Хорошо, что стояла ясная, теплая погода. Но однажды она испортилась, налетел шквал, дождь, ветер ураганной силы снес две секции моста. Они были установлены, но их еще не успели укрепить. Люди, а среди них было много девушек, с полотна дороги сгрудились в эти секции, и погибло 80 человек. За весь период, как только форсировали Днепр и освободили город Киев, ни одна бомба не попала в мосты, а тут стихия унесла столько людей. А мы видели, как это случилось. Эти секции пролетели вниз, как пущенные камушки, ураган пронесся и бушевал несколько минут, а потом стал стихать. Через час была уже ясная погода, а людей как не бывало. Всплакнули о них, пожелали им вечную память. А на этом труднейшем деле снова кропотливо те, кто остался в живых, стали продолжать работу. За полгода 1944-го мы сменили вокруг Киева несколько позиций.

На том же правом берегу, только ниже по течению Днепра, геодезисты стали готовить место для батареи, определять высоту над уровнем моря. Была пасмурная, дождливая погода. Им нужен был человек носить треногу от теодолита и на местности при разбивке натягивать шнур, вот меня и послали. Мы все промокли до нитки, но закончили работу. Меня не сменили, и пришлось с ними идти до дивизиона, но и там меня не заменили.

И отправилась я с ними в Дарницу на командный пункт полка. Дошли до моста, тут нас попутная машина взяла, довезла. В штабе меня девчата раздели, дали сухое белье. Накормили и стали сушить у печки мое одеяние, на нарах я, укрытая, согрелась, поспала. Они меня не пускали, мол, оставайся, пойдешь завтра, но я не согласилась. Белье подсохло и шинель тоже, стало полегче. Одеюсь, поблагодарила их и двинулась в обратный путь, где приютились геодезисты.

Их было трое мужчин. Ящики с приборами тяжелые, а они с ними проделали большой путь. Вернулась, доложила о прибытии. Девчата оставили мне ужин, поела и легла спать. Ночью меня на пост не будили. Обычно я вставала минут за 20 сама, по заданному времени. А тут спала очень крепко. А днем я отказалась идти на пост, мои силы еще не восстановились. Я проспала 36 часов, просыпалась на завтрак, обед и ужин, и изредка – в туалет. А потом встала на пост и вместо двух часов простояла четыре.

В начале 1944 года, уже не помню места, Аня Филатова рассказывала, что она работала в церкви в хоре. Девчата стали просить ее спеть какую-нибудь молитву. Она начала петь «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу».

Отец с матерью часто в холодные зимние вечера забирались к нам на печку и там потихоньку пели молитвы, и эту тоже. Я слов подряд не помнила, но мелодию знала и стала ей подпевать. Тоня Омелаева взяла гитару и подобрала аккомпанемент, а Аня на балалайке, получился неплохой дуэт. Девчата часто просили нас спеть, и мы пели.

У нас был проведен шнур через дверь до прибора, и если кто к нам шел, часовой подергает, и мы делаем вид, что изучаем матчасть. Наставление по прибору открыто. Но однажды Стариков поставил часового на команду «Ни с места», подошел к двери тихонько и все прослушал. Зашел и говорит: «Спойте молитву». Мы отказываемся, какая молитва? Он нам говорит, кто пел, кто на чем играл. Мы не

стали упрямиться – спели. Потом пели и еще, много раз...

1944-й год. Весна. Командир огневого взвода – старший лейтенант Петров. Когда он у нас появился, после кого – не знаю. Человек с особенностями: лет 27-28, выше среднего роста, стройный. Волосы темно-русые, глаза карие, нос прямой, лицо – правильный овал, губы толстоваты, смуглый, но красивым его не назовешь.

Может, это исходило от его поведения, его внутреннего мира – не могу утверждать. Он всегда был неряшливо одет. Ремень застегнут широко, болтается, подворотничок грязный, подманжетники – тоже (там белая каемочка должна быть, как у школьной формы). Менять эти атрибуты он не хотел и поэтому не стирал. А если менял, то только с гимнастеркой. Таня Капустина скажет: «Товарищ старший лейтенант, давайте я Вам подворотничок чистый подошью». Он отвечает: «Не надо» – «Но ведь он у Вас грязный!» – «Дайте зеркало!». Подают ему зеркальце, посмотрит: «Он еще чистый!».

Это он называет чистым, т.к. отличается по окраске от гимнастерки. Тогда стали у него красть, и приводить форму в порядок. Как это так: наш командир – и грязный! Построит оружейщиков (нас он не строил) и начинает их осматривать. Делает замечания: пуговицы не почищены, обувь грязная, подворотнички тоже: «Задрипы, заразы!».

В бане мылся один, никого туда не пускал. Умывался – только чуть-чуть намочит лицо и кисти рук. Однажды среди батареи Маруся Николаенко подошла к нему, взялась за ремень, коленом подтянула его и заправила со словами: «Товарищ старший лейтенант, Вы нарушаете форму». Особенно следили за ним, его одеждой перед комиссией. Но дело свое он знал, оружейщиков тренировал хорошо. Но в это время, после 18 апреля 1944 года, налетов почти не было.

Нам выдавали сахар – 250 граммов на 10 дней, а один раз в месяц, вместо махорки, его заменяли 100 граммами шоколада, но шоколада не было в наличии. Его заменили 250 граммами сахара, и тогда у нас сразу было 500 грамм! Этот сахар мы съедали в один день на

соревнование, кто быстрее съест. Вот в такой день Мария Чеботарева, уничтожив паек первая, легла на нары (над нарами из двух простыней мы делали занавеску) и начала причитать: «Что же я наделала. Сама себя угробила, как мне плохо, я умираю. Как жалко расставаться с молодой жизнью». И в таком роде до бесконечности. Мы хохочем.

К нам в это время пришел орудийный мастер Стацюк. Ему нужны были отвертки и ключи, у нас был полный их набор для прибора. Остановился у двери и долго наблюдал эту картину. Потом выругался матом (раньше от него мы подобного не слышали, мужчина лет 35-38, высокий, подтянутый, спокойный) и: «Вы что смеетесь, человек умирает, а вам смех?». Тогда, «умирающая» села на нарах и залилась смехом вместе с нами. От такой картины он опешил, не знал, что думать и что сказать. Смеялись до боли в животе. Наконец он уразумел, что это просто шутка. Получил отвертки и ключи и ушел.

Вот так в замкнутом круге и жили целых три года. Но в этом составе мы прожили два. От комбата требовали несколько раз кого-то перевести, взять с батареи, но комбат не подчинялся. За домашний арест платил свои деньги, но берег сплоченный коллектив. О нас говорили: «На 12-й батарее человека убьют и за счет бомбежки спишут». Но все же подобрали ключи, и половину [народа] пришлось отдать.

В орудийных расчетах тоже были хорошие ребята. И у нас имел место такой случай. В нашей землянке у столика (выступ земли, покрытый досками, застеленный салфетками), по бокам его, сидели Стариков и Иванов. Быстрым шагом буквально ворвался старшина батареи Белозеров и с ходу выстрелил из пистолета.

Я думаю, он стрелял в Старикова, но попал в левую подключичную область Иванову. Пуля засела в мягких тканях, ни нерва, ни сосудов не повредив, и трое суток он оставался в таком положении.

Санструктор перевязала, но началось воспаление. Тогда она с ним пошла в полковую медсанчасть, пулю удалили, и все обошлось. Но

старшину отправили на фронт. Он попал в одну батарею с папиным двоюродным братом Гаврилой Ивановичем Красновым.

Подружились.

Я уже была на 13-й батарее и неожиданно получила письмо от Белозерова. Он интересовался, как идут дела на 12-й, что нового. Но я уже там не служила и ответила так, как было. Потом Гаврюша мне прислал письмо, что Белозеров погиб. А когда я демобилизовалась, то узнала, что Гаврила Иванович тоже погиб.

И еще о Красновых... Краснов Александр Пантелеевич демобилизован по контузии головного мозга. Год совершенно ничего не слышал, потом осталась тугоухость на всю жизнь. Его брат Иван Пантелеевич вернулся. Сын Алексея Ивановича Краснова – Василий – погиб еще во время финской кампании. Александр демобилизован здоровым, он был в оркестре. Сын Михаила Ивановича Краснова, Александр, погиб. Люба, его дочь, вернулась. Она была, как и я, зенитчица. Сын Ивана Ивановича Краснова, Гавриил, погиб. Сын Тимофея Ивановича Краснова, Семен, вернулся. Степан (третий сын) на фронте получил туберкулез, от которого он умер в 1948 году. Иван Тимофеевич, мой отец, с перерывами служил в нестроевых частях, вернулся. Я, Краснова Тамара Ивановна, вернулась. Сейчас имею вторую группу инвалида Великой Отечественной войны. Имею также ранение и контузию. Мамин брат, Алтухов Василий Антонович, погиб под Москвой в 1941 году. Муж тети Марфы, Красильников Иван Васильевич, не вернулся. Муж тети Лены, Жабин Иван Афанасьевич, был в плену – вернулся. Ну, а остальные были малолетними детьми.

Из одноклассников многие погибли. В средней школе в Жан-Уварово поставлен памятник у школы, на нем имена всех погибших.

...Топливо для обогрева землянки готовил дневальный накануне своего дежурства. Наступили морозы. Днепровские кручи покрылись льдом, а мы по ним скакали, как козы, отыскивая лозинки мелкого кустарника. Поскользнешься, покатишься вниз. Дорога над Днепром узкая. Идет одна машина, а там отвесный обрыв, крутые волны и



большая глубина. Но, слава Богу, ни с кем не случилось несчастья.

В марте 1945-го батарея находилась в районе Осокорки, на левом берегу Днепра. Берег низкий,

песчаный, поросший красноталом. Давно уже нет налетов. Мы перешли из второй линии обороны в третью. Наши войска давным-давно перешли границу. Бои идут на территории врага. Наступает весна. Днем тает снег, в ночь – мороз. В воронках до краев вода, покрытая рыхлым льдом. Вроде бы ровное место, но таит большую опасность. Завтра мне дневалить, значит, надо искать топливо. Ведь солдат должен все знать, все уметь, все сделать. И любой ценой выполнить приказ.

Вот я взяла топор и пошла, надеясь, что и мне улыбнется удача. Проваливаясь на льду, обходя большие лужи, ходила долго. Краснотала лозинки тонкие, стоит в воде, он сырой, гореть не будет. Будем мерзнуть все. Пол в землянке влажный, подходят грунтовые воды. Хорошо еще, что нары сухие. Сходила и за деревню Осокорки. Деревня невелика, домов 12-13, они стоят на значительном расстоянии друг от друга. Перед фасадами хат редкие березы, изредка дубки. Эта полоса от хат метров на сто. Перед каждой хатой тропинка, их все соединяет проезжая дорога. Со стороны хат когда-то была канава. Она обрушилась, осталась мелкая ложбинка, да более хорошо – вал.

На этом валу стояла сухостойная березка, длинная, но тонкая. Мне она понравилась, но рубить ее как-то неудобно. Она в черте владельца этого участка. Я стояла, раздумывая, что делать, и все смотрела на вершину березки. Я совершенно не заметила, как ко мне подошел молодой мужчина, а очнулась от грез от того, что он вырвал топор из

моей руки и занес его над моей головой.

Я взглянула на него молча: одет в простую солдатскую форму без погон, на шапке вмятина от звездочки, глаза голубые, полны бешеной ярости. Я уставилась в эти глаза. Пронеслась мысль: «Бей, подлец. Я ничего не сделала. Я – солдат, и ты ответишь!». Я, конечно, не знаю, каков был мой взгляд на него, иногда он у меня бывает таким, что мужчин бросает в дрожь, они трепещут от ужаса. Так мы стояли какое-то время. Определить не могла тогда, не могу теперь. Вдруг он бросил топор к моим ногам, выругался матом, повернулся и ушел. Я взяла топор и пошла на батарею. Я сделала 10-15 шагов и только тут я разрыдалась, и в таком состоянии от перенесенного ужаса быть зарубленной, пришла в землянку. Девчата бросились ко мне: «Что случилось?». Немного успокоившись, я рассказала все. Мой рассказ все восприняли с ужасом. И заплакали все. Кто-то доложил нашему руководству, и кому из них я не знала, но на следующее утро старшина батареи привез машину дров. И стали отапливать все землянки. А эта березка и этот мужчина до сих пор ярко стоят в памяти...

Многие солдаты и офицеры пострадали от различных болезней, в частности, от туберкулеза. Наш лейтенант Бесперстов тоже заболел после ранения. Весной 1945 года, где-то в начале марта, он лежал в Киеве в госпитале. И пришел к нам на батарею, а вернее в наше отделение – худой, изможденный. Он знал, что дни его жизни сочтены. Ругался матом, чего мы от него никогда не слышали. А когда сказали ему об этом, он ответил, что его угробили на новой батарее в 254-м ЗАП.

Подготовка взвода была низкой, последующие наборы девушек желали быть лучше, они ходили в самоволки. Гуляли, плохо знали материальную часть и плохо усваивали знание сталинских приказов. Питание слабое и для здоровых людей. Он остался в уверенности, что если б он вернулся на свое место в нашу батарею, в наш коллектив, то поправился бы и жил. Вот такая была трагическая встреча. Отчасти

он был прав. В конце апреля он умер. У нас ему бы дали отдых, не было б нервотрепки. Как-то улучшили бы его питание, а это много тогда значило.

Других привычка выпивать сто грамм фронтовых на передовой сделала впоследствии алкоголиками. Дядя Сеня стал выпивать после фронта. Он два или три раза ходил в штыковые атаки и всегда вспоминал молодого юного немца, которого пронзил штыком; других не помнил. И тогда он становился сам не свой, его била дрожь. Чтобы избавиться от наваждения, пил, пока не сваливался в наркотическом сне.

Выдали по сто граммов водки и нам, на весь состав. Мне и еще одной девушке, совсем ее забыла, поручили сходить в полк получить водку. Вот мы и отправились. Тара – ведро литров семь или немного больше. Получили. Вышли на дорогу и стали голосовать. Остановилась грузовая машина, их трое с водителем, все в штатском: «Мы вас подвезем, но нам сначала надо перекусить, мы голодны».

За Киево-Печерской лаврой лесок небольшой, крутая горная тропинка к дороге и выступ. На этом выступе хотели что-то построить, были одни стены немного разрушенные, и с нашей стороны – вход. Он расширен снарядом. Земля сухая, растут трава, лопухи.

Они расстелили брезент, достали водку, колбасу, ветчину, хлеб, сыр – богатство! Приглашают нас, мы отказываемся. Нам поставили условие, что если мы с ними не разделим трапезы, они нас не подвезут. Пришлось согласиться. Открыли бутылку водки, а пить не из чего. Я предложила использовать лопух. Сорвали, промыли водкой, сложили рожком (в два перегиба). Пришлось и нам выпить по глоточку, поели вкусностей. Наш груз при нас. Они нам пожелали счастливого возвращения домой, и довели нас до самой батареи. Мы только и сказали, что до поворота на Осокорки, а они почему-то знали.

Весна 1945 года. Победа близка. Все стали строить планы, чем займутся на гражданке. Маруся Фонова – девушка с осиной талией и пышными формами, с темными волосами, отливающими рыжинкой, карими глазками, курносая, с обильными конопушками. Вот она однажды заявила: «Техникум оканчивать не буду (остался один курс). Выйду замуж, нарожаю детей, как мама. Буду матерью-героиней. Я все успею сделать, я быстрая». Слово свое она сдержала.

После войны ответила на мое письмо, что уже вышла замуж и ждет наследника. А я в это время учила анатомию человека, 1-й курс. Главное, все рвались домой. А как сложится жизнь дома, какие преподнесет сюрпризы, как-то никто не задумывался.

Победу я встретила в городе Киеве, вернее, в его окрестностях. День был солнечный, яркий, теплый. Слово «победа» не сразу дошло до сознания. Только через 1,5-2 часа люди как будто от спячки проснулись. Началась беспорядочная пальба из пушек, из винтовок, потом был митинг. Радость победы была необычайна. Все плакали, обнимались. Знакомые и незнакомые целовались, шумели, пели.

Числа 13-14 мая одно отделение отправили на подсобное хозяйство полка. Комбат назначил с ними Олю Бирлеву, но уже пришла Победа, все почувствовали, что уже скоро домой, и той строгой дисциплины уже нет. Девчата взбунтовались, с ней ехать не захотели. Комбат пошел на уступки: «Кого вам, с кем поедете?» – «Младшего сержанта Краснову».

Я им сказала, что с ними не поеду. Они себя плохо вели на строевой подготовке, которую я проводила с взводом управления по заданию командира взвода. Они стали меня упрашивать и обещали слушаться. Мне пришлось согласиться. На батарее – скукотища. Пришли в полк. В полку получили продукты: крупу, хлеб, соль, мясные консервы на 10 дней. Поехали на машине. Привезли нас в деревню, расположенную вдоль шоссе. По другую сторону шоссе свекловичное поле шириной метров 200 и длинное. А дальше за полем – небольшой лесок.

Надо искать квартиру. В одной хате устроила пять человек и столько же в другой. Я – шестая. Разделила продукты, оставила, готовить будут по очереди. Я с девочками поселилась у женщины с тремя детьми: девять, семь и пять лет, все – мальчики. Она уходила утром на работу на целый день. Дети оставались одни. Бедность. Дети полуголодные. Вокруг хаты никаких построек, внутри – голые стены. Утром женщина (я забыла, как ее зовут) топила русскую печь, готовила завтрак и уходила до вечера.

Детям кушать было нечего. Имея беспокойство, я уже не могла спать, вставала рано. Собирала все, что надо приготовить. Хозяйка в печи готовила нам завтрак и обед. Из этих продуктов часть я выделяла с общего согласия и кормила детей. На третий день хозяйка говорит мне: «Тамара, у меня в садочке растет щавель. Нарви, добавим в суп, будет вкусней». Садочек небольшой, яблони очень пострадали от пухля, остался вишенник, а в нем и грядка щавеля. Набрала листочков, помыла, порезала. Хозяйка сварила. Пищи получилось больше и вкусней, хватило на всех, и я оставила на ужин хозяйке.

Через пять дней пребывания первая пятерка пришла и заявила, что у них пропала часть продуктов. Конечно, никто не брал посторонний, это сделала одна из них. И они присоединились к нам. На полу все в рядок спали. Ходили на поле, воровали свеклу. Почва глинистая, сухая, как камень. Ужин ходили готовить по очереди. И пока нас было шестеро, все было хорошо, но пришли эти пять, и снова стали пропадать продукты. Я их всех предупредила: «Вы крадете сами у себя. Кто заявил о пропаже, тот и взял. Можете украсть все и голодать. Больше нам продуктов никто не даст. У меня нет кладовки, нет ключей. Работаю с вами вместе».

Девчата заволновались: «Товарищ младший сержант, готовьте сами ужин. Мы будем выполнять в поле все, что скажете. Мы уже разговаривали между собой, по-дружески...». Мне пришлось согласиться.

Через десять дней прибыли еще 140 человек и старшина. Я осталась

за повара. Все поселились в поле у лесочка. Готовила я хорошо, спала в шалаше с продуктами. Потом меня стали навещать три девицы, я их не знаю. Станут в сторонке и хором: «Воровка, воровка, воровка!». У меня в руках был большой половник, и до сих пор жалею, что я этим половником не смазала по их физиономиям. В другой раз я их отогнала горящим поленом. Работали десять дней. Всех вернули на батарею.

Комбат дал мне задание – обучить работе на приборе новое отделение, которое пришло, призыв ребят 1927 года рождения. И комбат предупредил, что пока не научу, домой не поеду. Но парни были молодые, дисциплинированные, еще не успели разболтаться и освоиться. Тем более видели девчат, которые прошли всю войну, были в боях – это очень сильно впечатляло. Освоили они прибор быстро. Через неделю комбат меня от них отстранил: «У них есть свой командир, пусть он ими и распоряжается». А время идет, уже миновал май, настал июнь. Стали готовиться к нашим проводам.

Проводы прошли хорошо. Нам вручили почетные грамоты. У меня была благодарность от командира полка. Когда бывали стрельбы из винтовки лежа, я выбивала по 28-29 очков (из 30). Девчата промахивались, редко у кого было попадание в фанеру, на которой нарисована цель. Были стрельбы и с прибором, цель – надутый аэростат, который тянул самолет. Я дала команду четвертому номеру плюс единицу полетного времени, и хотя не попали, но разрыв был самым близким из всех батарей.

...Дня через два нас всех собрали на территории КП. Размещались группами под открытым небом, благо погода была сухая, солнечная, ведь уже лето, конец июня. Всех построили, осмотрели юбки, гимнастерки. Некоторым заменили, а остальным велели покрасить. Установили два котла, сделали запас дров, и дело пошло. В одном котле синий цвет, в другом черный, кому какой понравится. Покрасили.

Теперь необходимо сделать прически. Но для этого надо сходить в

парикмахерскую. Вот нас собралось восемь человек. Старшина напутствует: «Идите строем, вы еще в погонах». Пошли, оживленно беседуем друг с другом. Нас остановил патруль, а мы его и не заметили, и не поприветствовали. За это нас доставили в комендатуру. На втором этаже большая комната, полы очень грязные, много песка. Наказание – вымыть полы. Подмели, намочили, вытерли кое-как. Я-то хотела отмыть, но девочки сказали: «Сойдет. Пусть моют сами».

Сделали завивки. Пошли обратно, уже оглядываясь, чтобы не попасть еще раз в комендатуру.

28 июня 1945 года – приказ Главнокомандующего о демобилизации. Вот нас всех и построили в две шеренги. Смотр делал генерал. Шинели дали большие, ботинки еще больше. К этому времени я купила туфли-лодочки на высоком каблуке. Вещи перед нами на земле. Генерал прошел, оглядел всех, спросил, есть ли претензии – их не было. Поблагодарил за службу. Пожелал счастливого пути. Служба закончилась. Уже не помню, в этот же день, или на следующий, построили, уточнили: кому и куда отправляться. Поезда разные, но мы едем почти все в одном направлении.

Состав № 500 – веселый, все те же теплушки, музыка играет, барабаны бьют. Погрузились. Настроение приподнятое, звучат песни. Нам выдали сухой паек на дорогу на три дня. Поезд тронулся, двери открыты, поем песни: «Землянку» и другие. Уже не помню, но, в конце концов, устали, легли на голые нары, вещмешок под головой. Уснули. Ехали день, ночь и снова день. Около 12 часов дня были в Воронеже. Вышли все на площадь, город – одни руины, редко где стоят стены. Улицы расчищены, а там, где были дома, – кагаты щебня, битого кирпича. Митинг, музыка, приветственные речи. Потом снова товарняк – и до дома.

Я приехала 2 июля 1945 года...

Т.И.Рузинова

